

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРЕНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.
Безъ доставки
на годъ . . . 7 р. 50 к.
на 9 мѣсяц. . 5 р. 75 к.
на 6 мѣсяц. . 4 р. — к.
Отдѣльн. нумера по 20 к.
Съ доставк. и пересылкой
на годъ . . . 8 р. —
на 9 мѣсяц. . 6 р. —
на 6 мѣсяц. . 5 р. —
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
за Границою
на годъ . . . 14 руб.

ГАЗЕТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО
ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статьи и требования адресуются въ
ред. СПБ. Новгородской пер. д. 5, кв. II.

ПОДПИСКА
принимается въ Бонторѣ—СШ.,
Надеждинская, д. 19, кв. 32, а
также въ книж. маг. Виль-
фа, Нев., Гостино, дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазине Макушинъ.
Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНИЕ: Податной вопросъ въ Сибири.—Десятилѣтіе газеты «Сибирь! Авесова.—Хроника.—Корреспонденціи: съ Джалиндінскій пристани, изъ Якутской области, Красноярска, Енисейска, Минусинска, Устькаменогорска и Томской губерніи.—Эпизодъ изъ странствій по Монголії (окончаніе). Г. Сафынова.—Сайдъ-Азімъ-Бай (изъ туркестанскихъ воспоминаній). К—а.—Страсть къ мамонтамъ (фельетонъ). Добродушно Сибиряка.—Хроника жизни за недѣлю.—Отвѣты редакціи.—Объявленіе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на газету

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРЕНІЕ“

на 1883 годъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ ОСТАЕТСЯ ТА ЖЕ.

Цѣна за годъ 8 рублей.

для новыхъ подпишчиковъ на 1883 г. остающиеся экземпляры
за 1882 г. уступаются за 4 рубля.

Адресъ редакціи и конторы на заголовкѣ газеты.

ПОДАТНОЙ ВОПРОСЪ ВЪ СИБИРИ.

Министерство финансовъ, для предполагающейся замѣны подушной подати другими налогами, требуетъ иныѣ возможно подробная свѣдѣнія о способахъ раскладки подушной подати, практикуемой въ разныхъ губерніяхъ. Управляющіе казенными палатами въ губерніяхъ Сибири истребовали эти свѣдѣнія отъ окружныхъ исправниковъ и отъ чиновниковъ „особыхъ порученій“ въ предположеніи, что они что-нибудь скажутъ новое.

Не знаемъ, впрочемъ, какого рода извѣстія поступаютъ отовсюду въ министерство финансовъ, но предполагая собраніе подобныхъ свѣдѣній — чрезъ казенныхъ чиновъ, а особенно вскорѣ собранныхъ, едва-ли не такой же будетъ прокъ, какъ напр. въ статистическихъ свѣдѣніяхъ о торговыхъ оборотахъ и прибыляхъ разныхъ торговыхъ заведеній, ежегодно казеннымъ способомъ собираемыхъ.

По всей вѣроятности, министерство найдетъ здѣсь нужныхъ свѣдѣній весьма мало. Для того, чтобы имѣть понятіе о раскладкахъ, не мѣшаѣтъ познакомиться съ способами, дѣйствующими у разныхъ обществъ. На выдержку мы желаемъ сообщить о способахъ раскладки податей въ Тобольской губерніи въ

сельскихъ обществахъ тюменского округа и выбираемъ для этого болѣе порядочную Червишевскую волость. Сообщая о способахъ раскладки податей по этой волости, мы желали бы вызвать въ печати подобныя же свѣдѣнія по другимъ мѣстностямъ.

Раскладка податей въ Червишевской волости Тюменского округа Тобольской губерніи практикуется съ давнихъ времень слѣдующимъ образомъ:

Извѣстно, что во всякой волости или сельскомъ обществѣ есть калѣки, умершіе, послѣ которыхъ не осталось родственниковъ и имущества, безвѣстно отсутствующіе, сосланные, далѣе, въ Сибирь за преступление и дурное поведеніе, солдаты, поступившіе по прежнимъ наборамъ и даже частю по жеребьямъ, — всѣ эти лица носятъ название „упалыхъ душъ“: раскладка платежей за эти души (до новой, конечно, ревизіи) производится на наличное число годныхъ работниковъ, отдѣльно по каждому сельскому обществу, предварительно раскладки обществами извлекаются разные источники. Напримеръ: на покрытіе расклада полагаютъ свободныя суммы, имѣющіяся налицо въ обществахъ отъ продажи пашни и покосовъ, выдѣлленыхъ на упомянутыя упалаы души, отъ свободныхъ земель въ средѣ запасныхъ на прибылыхъ души, никому невыдѣлленыхъ пашни и покосовъ, отъ отдачи въ аренду рыболовныхъ рѣкъ и озеръ, отъ выдачи приговоровъ на открытие кабаковъ, отъ отдачи въ аренду содержанія водопойныхъ прорубей, особенно при большихъ дорогахъ, гдѣ идутъ обозы, отъ прогона полями и лугами скота. Далѣе идетъ доходъ отъ разрѣшенія выдачи увольненій на получение паспортовъ, причемъ многими обществами съ отлучныхъ, живущихъ для заработковъ въ дальней Сибири, берутся деньги по 3 рубля, иногда и болѣе съ каждого за „наряды“, которые за нихъ исполняютъ наличные члены общества, и кромѣ того сельскія общества получаютъ изъ волостныхъ правленій деньги, присланыя съ золотыхъ пріисковъ Сибири и отъ разныхъ лицъ, проживающихъ въ Сибири же для заработка, употребляя деньги ихъ единовременно въ раскладку, а затѣмъ уже и за тѣхъ самихъ до-

истечения срока паспорту или впредь до присылки вновь деньги общества платить тоже раскладкой. Но по многимъ обществамъ бываетъ такъ, что эти „Сибирскія“ (какъ сложилось называше), деньги, примѣрно 20 рублей, міромъ отдаются кому либо изъ своихъ крестьянъ заимообразно на годъ при такихъ условіяхъ, чтобы за деньги процентами оплачивать подати, а деньги полнымъ количествомъ возвратить въ общество. Эти 20 рублей иногда вѣсколько лѣтъ идутъ при подобномъ оборотѣ, и затѣмъ по требованію міра цѣлкомъ поступаютъ въ общество. Тотъ же отлучный, при требованіи новаго паспорта высылаетъ опять, хотя примѣрно, 25 рублей, и такъ какъ эта сумма является свободной (потому что первые 20 рублей неизрасходованы—оплачиваются процентами), то и поступаетъ въ раскладку, а также поступаютъ въ раскладку и суммы, взысканныя съ тѣхъ же отлучныхъ сибиряковъ за понесеніе общественной службы. Въ службу они въ дѣйствительности не избираются, а потому деньги ихъ поступаютъ въ полное неотъемлемое распоряженіе общество; такихъ суммъ въ обществѣ является порядочное количество. Въ нѣкоторыхъ обществахъ заведенъ такой порядокъ,—что свободныя суммы, образовавшіяся отъ упомянутыхъ источниковъ, раздаются міромъ своимъ же общественникамъ подъ проценты заимообразно, съ условіемъ платить въ каждую половину года при сборѣ податей по 10 коп. съ рубля процентовъ, на погашеніе сборовъ за упавшія души; такихъ суммъ скапливается въ обществахъ до 500 рублей, слѣдовательно процентами оплачивается въ годъ до 100 рублей, а капитальная сумма изъ года въ годъ остается налична.

Мірскія деньги по многимъ обществамъ скапливаются и отъ другихъ непредвидѣнныхъ предметовъ и иногда, едва накопится мірскихъ суммъ 30 рублей, общество стѣшитъ отдать ихъ подъ проценты своимъ же крестьянамъ, для того, чтобы они „зря“ не хранились и чтобы нуждающіеся на эти деньги могли поправить свои домашнія нужды. Мірскихъ суммъ отъ упомянутыхъ источниковъ бываетъ въ приходѣ въ теченіи года до 4-хъ рублей на каждого годнаго работника. Изъ числа сбереженныхъ суммъ расходуютъ также и на другія мірскія потребности, какъ-то: на исправленіе дороги, карауловъ при ледникахъ, поправку мостовъ и другія мелочныя потребности, и затѣмъ, если по ихъ соображеніямъ будетъ недостаточно перечисленныхъ выше суммъ для покрытия раскладкой за упавшія души, въ такомъ случаѣ недостающую сумму раскладываютъ уравнительно на наличное число годныхъ душъ. На скотъ же и другіе предметы въ тюменскомъ округѣ сборовъ не налагаются. Въ курганскомъ и ялуторовскомъ округахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробовали, и даже продолжаютъ, но обѣ этомъ придется поговорить особо.

Такъ какъ нынѣ крестьяне стремятся къ увеличенію хлѣбопашства (ожиданіе желѣзныхъ дорогъ), то за надѣлы упавшихъ душъ начинаютъ платить подати и даже еще приплачиваютъ въ общество по 3 и 5 рублей за душу. Это дѣлается только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нуждаются въ земляхъ и усиливаютъ хлѣбопашство. Гдѣ же земельные участки не оправдываютъ платежемъ за упавшихъ, тамъ раскладываются платежи за нихъ міромъ, уравнительно, на годныхъ работниковъ.

Любимый способъ раскладки для богатыхъ—„натягло“—

т.-е. на наличныхъ годныхъ работниковъ, а для бѣдныхъ „на землю“ и „скотъ“, потому что богатые, имѣя гораздо болѣе скота, а нѣкоторые даже обладая „табунами“, за пашнища ничего не платятъ, а между тѣмъ пользуются чрезполосными ихъ участками, пустошами луговъ и полями. Малоимущій классъ крестьянъ, хотя и желаетъ раскладки на землю и скотъ, но желанія своего достигнуть не можетъ, потому что богатые, имѣя больший вѣсъ и влияніе въ обществахъ, препятствуютъ заведенію такого способа раскладокъ. Это послѣднее препятствіе особенно встрѣчается въ ишимскомъ округѣ Тобольской губерніи, гдѣ, какъ ранѣе мы уже писали въ № „Восточнаго Обозрѣнія“—1882 г. богачи упорно поддерживаютъ для своихъ выгодъ нераздѣлность земель по душамъ.

Одновременно съ присланными намъ замѣтками о податныхъ раскладкахъ въ Тобольской губерніи, газета „Сибирь“ въ № 2 посвятила статью тому же вопросу въ виду циркуляра, помѣщенаго въ № 50 „Иркутскихъ Губ. Вѣдом.“, гдѣ г. губернаторъ разъясняетъ, что, по закону, подати по окладу ихъ считаются лежащими не на каждомъ лицѣ отдельно, но на цѣломъ обществѣ или селеніи, по числу душъ, по ревизіи въ немъ состоящихъ или впослѣдствіи причисленныхъ. Посему внутренняя раскладка податей, въ расчислении оныхъ на наличныя души за выбылыхъ, предоставляется самимъ обществамъ и селеніямъ, подъ наблюденіемъ непосредственныхъ ихъ начальствъ*. На этихъ основаніяхъ, продолжаетъ циркуляръ, крестьяне всегда могутъ подлежащую поступленію въ казну подать, по числу состоящихъ въ обществѣ ревизскихъ душъ, раскладывать—за выбылыхъ послѣ ревизіи на наличныя могучія души, состоящія въ обществѣ или селеніи, не обременяя уплатою податей только тѣ семейства, которые включены въ ревизію и лишились послѣ ревизіи своихъ членовъ.

По этому поводу газета дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній:

„Все это совершенно справедливо, говоритъ „Сибирь“, и въ однихъ случаяхъ уплата податей дѣлается обременительна, а въ другихъ несправедливо. Но известно, что съ уплатою податей связано и владѣніе землею. Вмѣстѣ со сложеніемъ податей съ известнаго семейства, общество не преминеть лишить это семейство и земли, а между тѣмъ для крестьянина имѣющаго пять—шесть малолѣтнихъ дѣтей,—обыкновенного крестьянскаго надѣла—до 4 десятинъ съ паромъ—мало для прокормленія семьи, и онъ охотно уплатить подушную подать за мертвую душу, чтобы только не лишиться земли. Съ другой стороны, здѣсь есть много земель, владѣемыхъ крестьянами по праву разработки изъ—подъ лѣса,—но безъ всякихъ записей. При снятіи съ нихъ мертвыхъ душъ,—общество постараются отобрать отъ нихъ эти земли и эти земли разберутъ, конечно, многомощные семьи. Теперь крестьянинъ—одиночка, оплачивающій, напр. три души, если онъ не въ силахъ обработать ихъ всѣ, или отдаетъ часть ихъ въ аренду отъ 3 до 5 руб. за десятину съ хлѣба, или землю похуже пускаетъ подъ залежь и пользуется съ нея сѣномъ. Напротивъ, многомощные, имѣющіе вѣсколько взрослыхъ работниковъ, но платящіе только за одну душу, нанимаютъ землю у другихъ“.

„Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земель въ изобилии, гдѣ однѣхъ пашень приходится на душу болѣе 5—6 десятинъ и земля поэтому мало цѣнится,—тамъ, продолжаетъ газета,

вѣтъ сомнѣнія, распределеніе платежей по числу взрослыхъ работниковъ принесетъ несомнѣнное облегченіе для бѣдныхъ; въ малоземельныхъ же, подгородныхъ селеніяхъ, гдѣ душевой падѣль пахатной земли достигъ уже до 3—4 десятинъ, крестьяне не безъ сожалѣнія разстанутся съ принятymъ ранѣе способомъ раскладки подушной подати.

„Мы опасаемся, говорить „Сибирь“, какъ бы желаніе г. губернатора и его просьба объ ознакомленіи крестьянъ со смысломъ неисполнявшагося доселѣ закона, переходя по инстанціямъ до мельчайшихъ деревушекъ, не повела ко многимъ недоразумѣніямъ, которыми, пожалуй, воспользуются кулаки и мѣроѣды и заберутъ у малодушныхъ всю землю. И теперь, если произвести повѣрку, то окажется, что у богатаго музыка на душу приходится мѣрской земли 5 десятинъ, а у бѣдняка только 3“.

Крестьянамъ поэтому предстоитъ самимъ вырѣшить, какой способъ уплаты они предпочитаютъ. Итакъ, мы имѣемъ уже факты изъ трехъ мѣстъ Сибири: изъ ишимскаго округа Тобольской губерніи (№ 5 „Восточного Обозрѣнія“), изъ тюменскаго округа и изъ Иркутской губерніи. Всѣ они одинаково говорятъ, что къ этому вопросу надо подходить съ осторожностью. Приемъ регламентаций и приказаний, съ которыми подходятъ въ Сибири къ крестьянской жизни прѣбжкіе чиновники, здесь не поможетъ. Вопросъ этотъ могутъ рѣшить, не нарушая обоюдныхъ поземельныхъ и податныхъ интересовъ, только сами крестьянскія общества, а формулировать и осмыслить это дѣло предстоитъ сибирскому земству!

ДЕСЯТИЛѢТИЕ ГАЗЕТЫ «СИБИРЬ».

Газетѣ „Сибирь“ минуло въ нынѣшнемъ году 10 лѣтъ со времени ея основанія. Устроивать по этому поводу родъ маленькаго юбилея въ средѣ лицъ, сочувствующихъ развитию мѣстной журналистики въ Сибири, вѣтъ большаго резону, потому что газета „Сибирь“ въ началѣ изданія еще не можетъ быть названа мѣстнымъ органомъ и выразителемъ желаній мѣстнаго общества. Такою она стала только, когда перешла въ руки г. Вагина и г. Загоскина въ іюлѣ 1875 г., слѣдовательно, если сибиряки и полагаютъ за нужное почтить это обстоятельство какимъ-нибудь виѣшиемъ проявленіемъ чувства, то приличнѣе это сдѣлать въ іюлѣ 1885 года, а не въ январѣ нынѣшняго. Но тѣмъ не менѣе мы воспользуемся воспоминаніемъ о зарожденіи этого мѣстнаго органа печати, какъ благовиднымъ предлогомъ къ тому, чтобы сдѣлать краткій обзоръ исторіи развитія сибирской журналистики. Первою частною газетой въ Сибири былъ „Амуръ“. Онъ издавался въ началѣ 60-хъ годовъ, къ которымъ вообще относится немало добрыхъ начинаній. Въ Иркутскѣ въ то время, какъ и въ другихъ мѣстахъ, началось оживленіе въ обществѣ. Все свѣжее и честное любило сходиться въ читальню г. Шестунова, которая была составлена очень добросовѣстно. Въ ней можно было найти всѣ образцовые произведенія русской литературы, всѣ переводы серьезныхъ иностранныхъ книгъ и наконецъ рѣдкую коллекцію книгъ, относящихся до Сибири. Въ этой-то читальнѣ склонились образованные люди Иркутска побесѣдовывать и подѣлиться мыслями; молодые люди ходили сюда поспорить съ старикомъ Щукинъмъ, человѣкомъ ученымъ, но старыхъ убѣждений; нерѣдко ему приходилось отъ увлекающейся молодежи выслушать немало рѣзкихъ словъ, но ученость дѣлала старика необидчивымъ. Въ это время было задумано первое периодическое изданіе въ Сибири;

деньги на изданіе дали иркутскіе купцы Бѣлоголовый и С. Поповъ. Въ газетѣ принали участіе М. В. Загоскинъ и В. И. Вагинъ, дѣлѣ выдающіяся литературныя силы. Въ „Амурѣ“ едва ли не впервые появились новыя воззрѣнія на значеніе золотопромышленности для края, шедшія въ разрѣзъ со старыми. Газета „Амуръ“ существовала не долго. Частная петьтъ была явленіемъ непривычнымъ. Генераль-губернаторы иркутскіе были очень ревнивы и „Амуръ“ кажется были сдѣланы предложенія передать изданіе въ казенные руки, но редакція не согласилась и газета умерла. Въ половинѣ 60-хъ годовъ возникаетъ новая сибирская газета, и опять въ Иркутскѣ. Б. А. Милютинъ, юристъ, прѣѣхавшій на службу, пробуетъ издавать „Сибирскій Вѣстникъ“. И эта газетка жила недолго. Б. А. Милютинъ разрабатывалъ дѣятельно вопросъ судебнаго реформы въ Сибири. Въ Иркутскѣ группировались молодые юристы и даже было основано юридическое общество, ожидавшее, но недождавшееся судебнаго реформы. Наконецъ, въ 70-хъ годахъ въ Иркутскѣ г. Клиндеръ основываетъ третью газету „Сибирь“. Несмотря на то, что эта газета была позднѣйшею, слѣдовательно должна бы быть совереннѣе, редакціи слѣдовало бы быть опытнѣе, и сотрудникамъ умножиться, но на самомъ дѣлѣ вышло иначе. Газета не только уступала прежнимъ объемомъ, но и качествомъ; и качествомъ даже въ большей степени, чѣмъ объемомъ. Съ большимъ грѣхомъ протянувъ годъ и выпустивъ менѣе половины обязательнаго числа нумеровъ, г. Клиндеръ былъ въ положеніи, изъ которого оставался одинъ выходъ—закрытие газеты. Въ то время, когда въ Иркутскѣ свѣтильникъ мѣстной печати угасъ и весьма слабо теплился, молодые сибирскіе писатели, уже искавшіе выхода, сосредоточили свои силы въ казанской газетѣ Камско-Волжской. Съ прекращеніемъ этой газеты, однако, они остались безъ органа. Въ это время Б. А. Милютинъ, бывшій издатель „Сибирскаго Вѣстника“, по выѣздѣ изъ Сибири продолжавшій интересоваться дѣлами этой области, задумалъ изданіе въ Петербургѣ, специально посвященное Сибири. Начальникомъ главнаго управления по дѣламъ печати былъ Лонгиновъ; по его мнѣнію, Россіи вѣ такъ необходимы были провинціальные газеты; а потому новыя изданія въ провинціи разрѣшать затруднялись. Литературныя силы однако искали выхода. Кружокъ литераторовъ пришелъ къ мысли пріобрѣсть право г. Клиндера на изданіе газеты „Сибирь“. Переговоры съ г. Клиндеромъ увѣничались успѣхомъ, но перенесеніе изданія въ Петербургъ былъ найдено неудобнымъ и менѣе цѣлесообразнымъ; результатомъ всего этого было съ одной стороны изданіе Б. А. Милютінъ „Сборниковъ свѣдѣній о Сибири“ большими книжками, выходившими въ Петербургѣ, и обновленіе газеты „Сибирь“ новыми силами. Издателемъ и редакторомъ ея вмѣсто г. Клиндера сталъ В. И. Вагинъ.

Новый издатель былъ уже извѣстенъ въ Сибири, какъ авторъ двухтомнаго сочиненія „Сперанскій въ Сибири“, сочиненія, которое за время, протекшее со временемъ выхода книги Словцова „Историч.-Обозрѣніе Сибири“, т.-е. съ половины 30-хъ годовъ, есть единственное крупное явленіе въ исторической литературѣ Сибири. Одновременно въ газетѣ привялъ дѣятельное участіе другой дѣятель, лицо пользовавшееся огромнымъ уваженіемъ образованныхъ людей г. Иркутска, это М. В. Загоскинъ, къ которому и перешло редакторство. Въ умелыхъ рукахъ газета „Сибирь“ совершенно преобразилась. Она была сочувственно встрѣчена мѣстными населеніемъ, какъ истинный выразитель мѣстныхъ нуждъ и желаній, чѣмъ остается и до сихъ поръ, несмотря на всѣ испытавія. До 1881 года „Сибирь“ служить единственнымъ представителемъ мѣстной мысли; въ этомъ году начинаетъ издаваться другая частная газета въ Сибири, именно „Сибирская Газета“ въ Томскѣ.

Газета „Сибирь“ не имѣть характера настоящей газеты, которая ежедневно докладывает о новостяхъ и событияхъ дня и явленияхъ общественной жизни. Для этого, во-первыхъ, нужно было превратить ее въ газету ежедневную, но у издателей не было на это средствъ; во-вторыхъ, соединить характеръ такого периодического листка летучихъ городскихъ новостей съ органомъ областныхъ заявлений совершенно невозможно; такой листокъ можетъ существовать только отдельно. И если когда-нибудь Иркутскъ дорастетъ до издания такого листка, подобное издание безспорно будетъ низшаго типа, чѣмъ современная „Сибирь“.

Въ сибирской жизни послѣдняго времени „Сибирь“ самое свѣтлое явление. Она пріютила у себя мѣстныхъ писателей, которые безъ нея не имѣли мѣста, гдѣ высказываться; воспитаніе сибирского общества немало ей обязано, изложенные ею мнѣнія проникли и въ среду сибирской администраціи; будущій разбиратель сибирскихъ архивовъ не одинъ разъ встрѣтитъ казенные бумаги и доклады, какъ бы списанные со столбцовъ этой газеты; нѣкоторые мѣстные вопросы впервые подняты и затронуты „Сибирию“. Можетъ быть найдется не одинъ благородный юноша, который былъ поддержанъ и ободренъ голосомъ ся въ своей мелкой, но честной борьбѣ съ окружающей средой и разными препятствіями.

Конечно, не всѣ въ Сибири такого мнѣнія о газетѣ „Сибирь“. Есть лица, которые гнашаются этой газетой; по ихъ мнѣнію, это органъ, въ которомъ печатаютъ свои глупыя сочиненія сельские учителя, священники или наконецъ приказчики. Обличенія, проявлявшіяся въ газетѣ, не разъ вызывали бурю негодованія у раскудахтавшихся дѣятелей на окраинѣ. Не разъ дѣлались представленія о прекращеніи газеты, и если бы это зависѣло отъ мѣстной администраціи, давно бы ея не существовало. Иначе относилось петербургское начальство; находило ли оно существованіе „Сибири“ полезнымъ, не знаемъ, но что оно считало его безвреднымъ для общаго теченія государственной жизни, объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что „Сибирь“ существуетъ и до настоящаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же эту огромную окраину Россіи лишить мѣстныхъ органовъ. Весьма прискорбно поэтому было видѣть нападенія и вражду къ представителямъ мѣстной образованности и печати со стороны заѣзжихъ цивилизаторовъ въ Иркутскѣ, и въ то же время небрезговавшихъ вести дружбу и знакомство съ кулаками, монополистами, кушавшихъ у нихъ апельсины и ругавшихъ вмѣсть съ разными кабатчиками мѣстную печать. Подобное же презрѣніе къ провинціальнымъ газетамъ, къ сожалѣнію, замѣчалось и въ Россіи, въ Казани, Новочеркасскѣ и друг. городахъ; въ нихъ, говорили, пишутъ только недоучки и псевдо-писатели, и т. д. Но польза существованія провинціальной журналистики теперь признана высшей администрацией; появленіе множества новыхъ именъ газетъ: „Каспій“, „Терекъ“, „Кубань“, „Волынь“ и пр. указываетъ на это. Мы смѣемъ надѣяться, что и въ Сибири число частныхъ газетъ скоро умножится. Отчего бы, напримѣръ, не имѣть своей газеты торговой и промышленной Тюмени или большому Омску? Боязнь за дурныхъ послѣствія отъ развитія провинціальной журналистики не имѣть серьезныхъ основаній. Чего можно пугаться отъ ея развитія? Превращенія ея въ средство наживы посредствомъ шантажа, диффамаций и т. п.? Это зло дѣйствительно и отмѣтило собою начало провинціальной журналистики; разные Астраханскіе, Саратовскіе справочные листки, „Донъ“, существовавшій въ Воронежѣ, всѣ они издавались въ такомъ родѣ, что въ читающей публикѣ возбуждали сильныя подозрѣнія въ нравственной чистоплотности редакторовъ. Но замѣчательно, что этихъ-то газетъ и не гнашались губернскія аристократіи, даже иногда лица изъ высшихъ классовъ въ губерніи принимали сами въ нихъ участіе. Впослѣствіи, когда положеніе про-

винціальной журналистики облегчилось, этотъ сортъ газетъ не могъ существовать рядомъ съ честными изданіями, и гдѣ заводились послѣднія, онъ вымиралъ. Къ части Сибири на ея почвѣ не было сделано ни одной попытки въ этомъ гнусномъ родѣ. За то явилось другое опасеніе. Можно опасаться, что тѣ лица, въ руки которыхъ попадетъ изданіе провинціальной газеты, отнесутся къ недостаткамъ административнаго строя въ провинціи съ строгимъ приговоромъ, не принимая въ разсчетъ, что эти недостатки обусловливаются временемъ. Конечно, желательно, чтобы развитіе провинціальной журналистики совершилось безъ излишняго раздраженія; въ противномъ же случаѣ все-таки надо имѣть въ виду, что горячее перо не есть еще продажное перо, и что миръ можетъ быть возстановленъ всегда и легко на полѣ взаимнаго великодушія. Итакъ, упомянувъ о честномъ десятилѣтнемъ служеніи мѣстного сибирскаго органа, мы хотѣли указать на его важное значеніе въ умственномъ развитіи общества. Эти 10 лѣтъ не прошли безслѣдно, это время надо было прожить при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ и вынести незапятнанную репутацію областной печати.

Авесовъ.

ХРОНИКА

— Въ «Сибирской Газетѣ», которая съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе улучшается, въ № 4, особенно хорошо составленномъ и отличающемся богатствомъ новыхъ фактическихъ данныхъ, помѣщено немало свѣжихъ извѣстій съ китайской границы, о русской торговлѣ съ монголами и пограничныхъ дѣлахъ вообще. Подъ рубрикой «Сибирское обозрѣніе» описывается положеніе нашихъ дѣлъ на границахъ съ Тарбагатайскимъ округомъ китайской имперіи, и дается характеристика китайского управлятеля этого округа генерала Си-Уня. Кроме этой большой статьи въ томъ же номерѣ помѣщены корреспонденція изъ китайского города Кобдо и замѣтка съ верховьевъ Енисея. Изъ послѣдней мѣстности извѣщаются, что прошлою осенью изъ Минусинскаго округа ходило на рыбалку въ Урянхайскую землю 8 крестьянскихъ артелей, которыми было добыто въ верхнемъ Енисѣѣ 2,000 пудовъ, въ озерѣ Джаакты-куль 1,000 пудовъ. Названное озеро въ прошломъ году снято въ аренду купцомъ г. Веселковымъ по соглашенію съ урянхайскимъ амбанемъ. Это, кажется, второй примѣръ арендованія заграничныхъ угодій русскимъ купцомъ въ сѣверной Монголіи; первый примѣръ, какъ намъ извѣстно, былъ поданъ иркутскимъ купцомъ Г. И. Посылинымъ, который арендовалъ обширный участокъ земли на сѣверномъ берегу озера Косогола съ цѣлью устройства скотного двора и другихъ хозяйственныхъ заведеній. Если г. Веселковъ своей арендой не вытѣснилъ съ озера Джаакты-куля крестьянскія артели, которая, можетъ быть, и до него уже тутъ ловили рыбу, то надо радоваться, что эта дружелюбная и честная манера вести дѣла съ подданными чужаго государства начинаетъ распространяться и преобладать надъ старой манерой, игнорировавшей законныя права мѣстныхъ жителей, и ставившей въ заслугу себѣ, что она не пріучаетъ туземцевъ къ сознанію своихъ правъ; новая манера не упускаетъ изъ виду интересовъ будущаго она можетъ создать русскимъ купцамъ добрую репутацію людей совѣстливыхъ и полезныхъ, она пріучить вліятельныхъ лицъ въ Монголіи смотрѣть на русскую торговлю, какъ на дѣло полезное, открывающее новые источники богатства въ странѣ и новые мѣстные доходы, а не подрывающее мѣстное народное хозяйство; въ особенности эта миссія будетъ ею совершена полно, если русскіе промышленники будутъ пріучать мѣстное населеніе къ новымъ приемамъ. Другія совсѣмъ черты въ поведеніи съ туземцами у тѣхъ торговцевъ, которые держатся старыхъ правилъ; тѣ думаютъ только урвать на свою долю, не думая о будущемъ нашихъ торговыхъ сношеній съ Монголіей вообще. Въ томъ же номерѣ корреспондентъ изъ города Кобдо жалуется на недобросовѣстность нѣкоторыхъ кобдинскихъ купцовъ. Онъ пишетъ: «русская торговля развивалась бы успѣшиѣ

еслиъ сами русскіе купцы внимательнѣ и строже относились къ себѣ. Нѣкоторые изъ нихъ ведутъ свои дѣла изъ рукъ вонь недобросовѣстно. Такъ одинъ купецъ избрѣлъ аршинъ въ 12 вершковъ и очень усердно замѣняетъ имъ 16-вершковый; онъ же съ удивительной ловкостью продаетъ монголамъ бязь вмѣсто перѣзанного плиса и отпускаетъ ишеничный крахмаль вмѣсто сукна. Китайское начальство города Кобдо принуждено было жаловаться на продѣлки русскихъ купцовъ русскому консулу въ Ургѣ, а русские купцы въ Кобдо утверждаютъ, будто торговля въ Монголіи безъ продѣлокъ невозможна. Недавно изъ Кобдо писали, что торгующіе тамъ русскіе избрали старшиной купца Котельникова. Интересно знать, почему г. Котельниковъ допустилъ китайское начальство до жалобы ургинскому консулу? Или онъ не удовлетворяетъ жалобъ, съ которыми къ нему обращаются монголы и держитъ сторону недобросовѣстно торгующихъ русскихъ? Зная г. Котельникова, въ послѣднемъ мы склонны усомниться. Или его решеніемъ русскіе купцы не хотятъ подчиняться? Тогда для чего же было избирать старшину? Очевидно, между нашими торговцами въ Монголіи идетъ теперь борьба; одни хотятъ вести дѣла чисто, другіе не прочь отъ того, что на торговомъ жаргонѣ называется «темненькимъ». Наше сочувствіе, конечно, на сторонѣ первыхъ, но не можемъ не высказать опасенія, что победа имъ можетъ достаться нелегко. Отсутствіе правильно организованаго правосудія въ Сибири дѣлаетъ эту борьбу трудной.

— Городское самоуправление, видимо, начинаетъ интересовать сибирское общество. Честные молодые люди видятъ въ немъ единственное мѣсто, где они могутъ приложить свой трудъ къ общественной службѣ, не теряя свободы своихъ мнѣній. Школа, судъ, администрація, церковь—все это такія арены общественного служенія, где приходится подчиняться чужимъ взглядамъ, безпрекословно исполнять чужіе планы и проекты. Заявленіе своего собственного сужденія, проведеніе своихъ мыслей для частнаго лица въ Сибири возможно только на полѣ городского самоуправления. Конечно, частная ініціатива имѣеть еще исходъ въ мѣстной журналистикѣ и въ ученыхъ или благотворительныхъ обществахъ. Но ряды журналистовъ не могутъ быть пока велики, да для этого необходимы и специальная способности: дѣятельность общества также ограничена. Поэтому понятно, что взгляды сибирского молодаго поколѣнія останавливаются преимущественно на городскомъ самоуправлении. И въ мѣстныхъ газетахъ передко появляются извѣстія о городскихъ дѣлахъ. Эти извѣстія все больше и настойчивѣе свидѣтельствуютъ, что городское дѣло у насъ нуждается въ обновленіи свѣжими силами. Нерѣдко случается, что городское управление захватить въ свои руки одна какая-нибудь горсть людей, кабатчиковъ или краснорядцевъ, и всякими неправдами старается закрыть его за собой. Въ Устькаменогорскѣ, какъ пишутъ въ «Сибирскую Газету», избирали голову; большее число шаровъ оказалось въ пользу г. Касаткина, но онъ отказался принять на себя званіе головы; стали просить г. Занина, который тоже было отказался сначала, потомъ согласился, но старый голова Некрасовъ потребовалъ отложить засѣданіе до другого раза; собраніе на это не согласилось, начались пререканія, и гласные разбѣжались. Во всѣхъ этихъ махинаціяхъ, какъ напечатано въ «Сиб. Газетѣ», видѣть желаніе г. Некрасова сдѣлаться головой и на слѣдующее четырехлѣтіе. Въ Нерчинскѣ, какъ въ ту же газету пишутъ, кроме законной думы иногда собирается еще «малая дума»; это дѣлается въ критические моменты, когда захватившей въ свои руки дѣла города партіи угрожаетъ паденіе. Такое собраніе было будто бы послѣ 20 ноября, когда на избирательномъ собраниіи 2 разряда выборы оказались не по вкусу городскому головѣ Муромову и его друзьямъ; на этомъ собраниіи решено состоявшіе выборы объявить сомнительными, вслѣдъ затѣмъ городской голова возбудилъ переписку по начальству. Въ Якутскѣ выбрали въ гласные мѣстнаго исправника и окружнаго стражаго (?); областной прокуроръ протестовалъ. Дѣло это будто-бы будетъ перенесено въ Сенатъ.

— Изъ Благовѣщенска въ «Сиб. Газету» пишутъ: «Празднованіе 300-лѣтнаго юбилея Сибири у насъ отличалось такимъ официальнымъ, казеннымъ характеромъ, что, вѣроятно, низшій классъ городскаго населенія и не подозревалъ, что въ этотъ день, кромѣ празднованія св. Николая, вспоминается и одно изъ важнейшихъ событій

исторической жизни русскаго народа. Благодарственныи молебень утромъ, убогая иллюминація и скучный танцевальный вечеръ въ общественномъ собраниі вечеромъ совсѣмъ не напоминали о народномъ празднике. Только въ учебныхъ заведеніяхъ отличили этотъ праздникъ отъ другихъ тѣмъ, что въ залѣ женской прогимназіи г. Образцовъ прочелъ рѣчь о покореніи Сибири. «Жаль, продолжаетъ корреспондентъ, что не были предложены чтенія въ этомъ родѣ публикѣ и пароду; никакой подписки тоже не было». Въ Енисейскѣ, какъ мы уже извѣщали своихъ читателей въ одномъ изъ прошлыхъ номеровъ нашей газеты, также спохватились праздновать трехсотлѣтие, когда уже выходили изъ церкви послѣ молебна, и только потому, что получили неожиданно поздравительную телеграмму отъ прокуратуры городского головы. Въ Нижнеудинскѣ совсѣмъ проспали этотъ день. Гдѣ-то учителя собрались было праздновать, спросили разрешенія, телеграммой къ инспектору училищъ, и получили въ отвѣтѣ: «не зная вашей программы празднованія, не рѣшаюсь дать разрешеніе». Сколько городовъ, въ которыхъ или совсѣмъ не знали о предстоящемъ празднике или знали, да не нашлось человѣка, который съумѣлъ бы сдѣлать починъ. Многихъ удержало отъ почины предварительное извѣщеніе въ газетахъ, что празднованіе юбилея рѣшено правительствомъ ограничить и широкое празднованіе отмѣнить.

Подъ «широкимъ празднованіемъ» вѣроятно разумѣлось устройство народныхъ праздниковъ въ публичныхъ садахъ и на площадяхъ. Настоящій смыслъ этого ограниченія поняли только въ Иркутскѣ, и тамъ празднованіе совершилось съ торжественностью и участіемъ общества въ степени, въ которой оно не было совершено ни въ какомъ другомъ городѣ. Но въ остальной Сибири газетное извѣщеніе поняли въ иномъ смыслѣ, въ смыслѣ совершенно воспрещающемъ всякия собранія даже въ стѣнахъ и всякія другія проявленія чувствъ по поводу событія. Это можно заключить по тому комическому положенію, въ какомъ въ тотъ день очутилось общество Енисейска. Отчего бы въ этомъ газетномъ извѣщеніи не опредѣлить точнѣе, въ какихъ предѣлахъ позволилось устроить обстановку празднества? Если-бъ это было сдѣлано, не вышло бы такой путаницы, что въ одномъ городѣ считали недозволеннымъ то, что въ другомъ совершилось свободно. И праздникъ прошелъ бы дружнѣ, и пожертвованій было бы сдѣлано больше, и горечи бы той не осталось во многихъ мѣстахъ, гдѣ сплошали. Впрочемъ и самъ Иркутскъ, который воспользовался лучше дозволенными предѣлами, какъ будто они ему одному были сообщены по секрету, могъ еще болѣе расширить программу чествования торжественнаго дня, а именно, можно было бы устроить то, о чёмъ говорить и корреспондентъ изъ Благовѣщенска, какіянибудь чтенія для народа. Занятіе Сибири есть дѣло простаго народа; и во все трехсотлѣтие русской зависимости Сибири ел исторію дѣлать простой народъ; если вы станете писать ея исторію, вы не найдете здесь никакихъ отдѣльныхъ имѣнъ знаменитыхъ генераловъ, публицистовъ, писателей, артистовъ, и пр. И между тѣмъ этому пароду не устроили даже ни одного публичнаго чтенія въ стѣнахъ, въ которомъ можно было показать и оценить имъ же совершенное великое дѣло!

— Газеты извѣстили, что извѣстный своимъ пожертвованіемъ А. М. Сибиряковъ пожертвовалъ 10,000 рублей съ цѣлью выдавать изъ нихъ преміи за историческія сочиненія о Сибири. Сибирское купечество извѣстно давно своимъ крупными пожертвованіями; но не всегда эти пожертвованія исходили отъ инициативы самихъ жертвователей; часто они вызывались указаніями администраторовъ, давались не отъ чистаго сердца; на учебныя заведенія, на пріюты деньги давались въ угоду властямъ, и въ ожиданіи медалей, и только на церкви, богадѣльни и иногда больницы дѣлались пожертвованія по собственному почину. На библіотеки же, музеи, или на изданіе сочиненій, о чёмъ не заботилось сибирское начальство, совсѣмъ не дѣлалось пожертвованій. Изъ прежніхъ жертвователей можно указать на г. Нѣмчина, какъ на человѣка, отличавшагося болѣе самостоятельнымъ починомъ въ принесеніи жертвъ. Имѣя дѣла только въ Кяхтѣ, онъ постоянно поддерживалъ своими деньгами нѣкоторыя полезныя учрежденія на своей родинѣ, въ городахъ Тарѣ и Тобольскѣ. Затѣмъ, въ этомъ родѣ выдавался по-коиний И. О. Каменскій. О немъ можно сказать, что имъ не было сдѣлано ни одного пожертвованія, которое не было бы имъ самимъ

же и задумано. Онъ руководился только личными вкусами и не подчинялся внѣшнимъ внушеніямъ; въ особенности же ему была противна погоня за медалями или орденами. Это направление все болѣе и болѣе начинаетъ проявляться въ пожертвованіяхъ сибирского купечества, которое начинаетъ сознавать, какую важную роль оно призвано сыграть въ будущемъ въ исторіи развитія просвѣщенія въ Сибири. Къ числу подобныхъ же жертвователей по личному почину относится и А. М. Сибиряковъ. Всѣ подобного рода пожертвованія отличаются большою осмысленностью; такъ и послѣднее пожертвованіе г. Сибирякова должно удовлетворить вѣрно угаданную потребность. Во-первыхъ, такое пожертвованіе кстати къ трехсотлѣтнему юбилею Сибири; деньги предназначаются на изданіе сочиненій по исторіи этого самаго трехсотлѣтія, которое только что милоvalо; во-вторыхъ, въ Сибири особенно ощущается теперь недостатокъ въ исторической литературѣ; нѣть органовъ ни для изданія историческихъ памятниковъ, ни для обработки сибирской исторіи. Наша сибирская молодежь воспитывается безъ знанія исторіи своей области, и когда она обращается съ просьбой указать ей на сочиненія, изъ которыхъ она могла бы познакомиться съ прошлымъ своей родины, не на что указать. Науки въ Сибири пользуются не одинаковымъ покровительствомъ; пользуется имъ болѣе, чѣмъ какая другая, географія; описание путей сообщенія и естественныхъ богатствъ нужно для административныхъ соображеній; статистика же не пользуется такимъ почтеніемъ; она нужна для составленія годового отчета, но за тѣмъ у ней примѣчается непріятная,nota въ голосѣ, когда она говорить о темныхъ сторонахъ нашей жизни. Ну, а у исторіи голосъ совсѣмъ ужъ негодится; она только про одно темное и говоритъ. Поэтому никакого общества исторического въ Сибири не существуетъ да и въ виду не имѣлось.

Нельзя не принести г. Сибирякову искренней благодарности за то, что онъ поднимаетъ своимъ пожертвованіемъ вопросъ о правѣ существованія этой забытой въ Сибири науки.

Помѣщаемъ слѣдующее пріятное извѣщеніе. Намъ присланы выписка изъ контракта съ рабочими Ниманской золотопромышленной К° на Амурѣ.

§ 31 гласить: „Мы, рабочие, предоставляемъ управлению компаний удерживать съ каждого рубля причитающейся намъ при разсчетѣ додачи, одну копѣйку для образования капитала на постройку въ г. Благовѣщенскѣ дома для престарѣлыхъ или не могущихъ работать прісковыхъ рабочихъ; управление компаний съ своей стороны каждогодно вносить, для этой же цѣли, сумму равную той, какая въ этотъ годъ будетъ получена отъ рабочихъ“.

Примѣръ этотъ достоинъ подражанія со стороны и прочихъ золотопромышленниковъ, такъ какъ г-да Хаминовы, Базановы и tanti quanti, щедрые на городскіе воспитательные дома, до сихъ поръ ничего не сдѣлали для обезспеченія участія престарѣлыхъ и измученныхъ на ихъ пріскахъ рабочихъ.

Отъ души можно поблагодарить Ниманскую компанію за первую инициативу.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» г. Енгалычевъ помѣстилъ объясненіе имени Ермака, объясненіе вирочемъ извѣстное не одному г. Енгалычеву. Слово Ермакъ то же самое въ устахъ народа какъ и Ермолай, что можно и доселъ слышать въ русскихъ деревняхъ (напр. въ Тамбовской губерніи). Объясненіе это очень вѣроятное, снималъ нѣкоторую тяжесть съ археологовъ, весьма долго изыскивавшихъ корень этого слова (даже въ монгольскомъ), въ то же время охлаждаетъ нѣкоторыхъ претендентовъ на родство съ Ермакомъ. Между прочимъ на сибирскій юбль 1881 прислана была телеграмма отъ какого-то г. Ермакова, который мнилъ себя потомкомъ Ермака, завоевателя Сибири. Оказывается, что большинство Ермаковыхъ на Руси не болѣе какъ потомки Ермоловъ. Настоящаго же потомка Ермака доселъ не находилось.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Джалиндінскія пристань на р. Амурѣ (близъ ст. Албазинѣ) (корресп. „Вост. Обозр.“). Бездождіе прошлаго лѣта въ верховьяхъ Амура повлекло за собою сильное мелководіе и оказалось весьма неблагопріятное вліяніе на сообщеніе въ краѣ: почтово-пассажирское сообщеніе, а также и грузовое, съ половины лѣта и до конца навигаціи существовало крайне неаккуратно. Весьма немногіе пароходы пробирались до Срѣтенска и то дорогой не одинъ разъ садились на мель. Къ бездождю—громадные лѣсные пожары дали такой дымъ, что пароходы не могли двигаться по нѣсколько дній, какъ бы за самымъ густымъ туманомъ. Результатъ сего: масса грузовъ не перевезена до мѣста назначенія, часть грузовъ разбросана по станціямъ, а многіе пароходы, не будучи въ состояніи добраться до обыденныхъ мѣстъ зимовки, зазимовали, гдѣ которому пришлось. Такъ какъ по Амурѣ лѣтомъ, кроме пароходного сообщенія, берегового почтоваго не существуетъ, то понятно, какъ бѣдствовали проѣзжающіе. Сверху, по теченію, еще кое-какъ на ботахъ и плотахъ сплавлялись, а ужъ плывущіе снизу, высаживали въ какой-нибудь станицѣ недѣлями или даже мѣсяцами; особенно къ осени, когда все, въ чёмъ можно плыть по рѣкѣ, было уже раскуплено. Не говоря уже о времени, можно представить, во что обходилось подобное путешествіе и съ какими лишніями оно сопряжено: въ нѣкоторыхъ станицахъ нельзя было достать самаго необходимаго изъ пищи *). Не лучше пассажировъ странствовала и почта: корреспонденція лежала въ почтовыхъ конторахъ по нѣсколько недѣль, получалась крайне несвоевременно и неопределенно, а сплавляясь на тѣхъ же ботахъ и плотахъ, приходила нерѣдко подмоченою. Но къ этимъ мелочамъ амурцы уже привыкли и не особенно ропщутъ на нихъ, ибо, говорятъ, что дѣло это зависитъ отъ мѣстныхъ физическихъ условій и пока поправить его не въ нашихъ силахъ. Приходится мириться. Ну, а на небрежность или своеобразность порядковъ сибирскихъ почтовыхъ конторъ попенять можно, такъ какъ это дѣло поправимое, да и едва-ли, въ существующемъ видѣ, можетъ быть терпимо. Ждемъ, ждемъ почты! наконецъ, слава Богу! пришла! пришли письма, журналы и газеты чуть не за мѣсяцъ. Начинаешь просматривать, и вдругъ послѣдніе номера есть, а первыхъ нѣть; не было нѣкоторыхъ изъ нихъ и съ предыдущей почтой; изъ пришедшихъ нехватаетъ нѣсколькоихъ среднихъ номеровъ, да хорошо если придутъ они со слѣдующей почтой, а то сплошь да рядомъ вѣдь совсѣмъ не дождешься ихъ. Не допуская подобной небрежности при отправкѣ редакціями своихъ изданій, а также не допуская ничего подобнаго и въ столичныхъ почтовыхъ экспедиціяхъ, приходится объяснять неисправность полученій порядками по тракту стоящихъ почтовыхъ конторъ. Неужели это тоже неизбѣжное и непоправимое для настъ злѣ! Неужели нельзя доставлять корреспонденцій по правительственной почтѣ, если ужъ не своевременно, то хоть въ порядкѣ и цѣлости!

Якутская область (корресп. „Вост. Обозр.“). Богоякшайскій улусъ. Вотъ я и на мѣстѣ, черезъ $9\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ послѣ снятія своего съ якоря въ Т. Прѣѣхала сюда 15-го октября. Впрочемъ, это не столько зависитъ отъ меня, сколько отъ здѣшнихъ удобствъ: заѣхала въ такую трущобу, куда и почта не ходитъ, приходится пользоваться только оказіями. Это письмо дойдетъ, вѣроятно, не ранѣе

*) Съ открытиемъ зимняго пути проѣзжающіе все еще съ трудомъ пробираются до Срѣтенска, вслѣдствіе большого скопленія почты въ этой станицѣ:—600 верстъ ѿдѣтъ дній 15 и болѣе. На почтовыхъ-то!

марта (получено въ концѣ февраля). До васъ такъ рѣдко доходить вѣсти, точно до того свѣта, такъ что отъ насъ вы ничего доброго не ждите. Калякать приходится съ якутами на ихъ варварскомъ нарѣчіи, да чего новаго отъ нихъ услышишь... Смѣшной они народъ! Когда я приѣхала, они, разумѣется, сочли нужнымъ прийти и посмотретьъ на Хотушъ (хозяйку Семена, какъ они называютъ Г...). И потянулись якуты и якутки, но къ несчастію я имъ не понравилась. Съ тѣхъ поръ, какъ я приѣхала, они стали находить дверь запертої, что дѣлается нами во избѣженіе ихъ частыхъ набѣговъ. Представьте себѣ такое удовольствіе: отворяется дверь, входить якутъ и, не говоря ни слова, подходитъ къ камельку, который постоянно топится, поворачиваетъ также молчаливо къ нему спину и нагреваетъ ее. Отогрѣвшись, беретъ свои рукавицы и тѣмъ-же порядкомъ уходитъ. За нимъ является другой, тамъ третій и т. д., продолжая тѣ же операции. Здѣсь не въ обычай затворять дверь даже на ночь. Иди въ любую юрту и грѣйся у камелька, какъ у своего собственнаго. Ну, а мы завели свои порядки: къ нимъ не ходимъ грѣться и къ себѣ не пускаемъ. Разумѣется, своимъ уставомъ мы вселили въ нихъ недовольство, они стали упрекать насъ въ гордости, а меня къ тому-же возвели въ скупыя. Они-же живутъ, точно скоты: изъ юрты у нихъ отпертая дверь въ хотанъ (хлѣвъ), гдѣ обитаютъ коровы, а телята живутъ съ ними въ юртѣ. Вонь тягчайшая, и когда входить якутъ или якутка, то и этотъ запахъ вносятъ съ собой, такъ они все пропитаны имъ! У меня есть юрта якутская съ наклонными стѣнами, землянымъ поломъ и съ вѣчнымъ въ немъ камелькомъ,—вѣчный онъ потому, что дворецъ нашъ требуетъ отопленія и денно, и нощно; въ противномъ случаѣ грозитъ намъ замороженіемъ въ томъ углу (онъ, собственно, торчитъ на самой срединѣ юрты, куда онъ обращенъ верхомъ). А у огня можно испечься отъ жару, съ обратной-же стороны, у дверей, на стѣнахъ у насъ спѣгъ. Знаеть мы за-разъ живемъ въ двухъ поясахъ, и въ жаркомъ, и въ холодномъ. Кстати и пыли въ нашемъ дворцѣ столько, сколько нѣть ея во всемъ вашемъ городѣ. Съ нею-то я веду неустаниную борьбу. Окна наши имѣютъ свою оригиналность: въ нихъ вставлены необыкновенные стекла, что уже такъ примелькалось, а цѣлые глыбы льда, которая мы приходится ежедневно скоблить, чтобы онъ не мѣшали солнышку поглядывать на насъ, а то такъ за ночь замохнатятся. Не правда-ли, очень живописная обстановка? Это—внутри; снаружи мы тоже Богомъ не обижены: снѣгу-то, снѣгу-то у насъ сколько! А льду-то! А скота-то якутскаго, мычаніе котораго только и нарушаєтъ нашу пустынную тишину. Если-бы я была художникъ, я изобразила бы вамъ всю эту диковинную красоту. Юрта наша особая отъ якутовъ. А вотъ есть здѣсь ссылочные, такъ тѣ живутъ вмѣстѣ съ якутами и со скотомъ въ одной юртѣ.

Наша-же юрта отдѣльная, въ ней нѣть хотана (хлѣва) и мы избавлены отъ запаха, присущаго коровамъ; но въ другихъ юртахъ хотанъ соединенъ съ юртой открытой дверью, такъ что запахъ, что въ хотанѣ, что въ юртѣ—одинаковъ. Коровы, идя въ хотанъ и обратно, проходятъ черезъ юрту. Юрта сама, подобно нашимъ копилюшкамъ (наша юрта также) раздѣлена на стойла, которые приходятся прямо противъ двери, только на мѣстѣ ясель строятся широченные лавки, называемыя араками. На этихъ лавкахъ якуты строятъ себѣ постели и на ночь завѣшиваются занавѣсками: это ихъ альковы. Вѣроятно, стойла эти и строятся съ тою цѣлью, ибо въ каждомъ помѣщается отдѣльная семья, такъ какъ въ юртѣ ихъ собирается по вѣскому семейству. Отъ якута, также какъ и отъ его скота, разитъ одинаково. Грязны они необыкновенно. Первое время я просто задыхалась, когда якутъ гаявится къ намъ со свопиъ запахомъ, но теперь мой носъ настолько обтерпѣлся, что его не по-

ражаетъ уже никакая вонь. Скоро я, вѣроятно, буду находить въ ней столько-же удовольствія, сколько и сами якуты. Ихъ ребята голые (рубашки шьются только тѣмъ, которые постарше), валяются на земляномъ полу, въ грязи, пачкаютъ себѣ руки, подбираютъ всякую пакость въ ротъ и, такимъ образомъ, татуируютъ себя очень живописно. И холода-то вѣдь не боятся: какаянибудь маленькая козявка копошится нагая противъ самой двери, а дверь то и дѣло—хлопъ да хлопъ! Народъ этотъ, надо правду сказать, болно лѣнивъ и всегда зиму проводить только въ томъ, что шляется изъ одной юрты въ другую и обмѣнивается словами! „кэися, доторъ“!-сирѣчь: сказывай, приятель!—При этомъ приятель долженъ выложить предъ нимъ все, что ему пришлось узнать за этотъ день, притомъ онъ долженъ не упустить и того, что и у кого ему пришлось въ этотъ день поѣсть,—жадный онъ страсть какой: все-бы лопалъ, но только не на свой счетъ, а на счетъ „догора“! А дома же онъ пробавляется довольно скучнѣко: жрать какуюнибудь жидкую кашу, которую лижетъ со сковороды, да лопаетъ чай! Хлѣбъ єдятъ въ исключительныхъ случаяхъ, предпочитая, чтобы онъ гнилъ у нихъ въ амбарахъ. Ёдятъ и голое масло и пьютъ весьма плохое молоко. Между ними есть очень богатые, не только скотомъ, но и деньгами имѣютъ по вѣскому тысячу чистаганомъ.

Красноярскъ (корресп. „Восточн. Обозр.“). 12 ноября минув. г., выстрѣломъ въ сердце, покончилъ свои счеты съ обществомъ и съ собою, 20-ти-лѣтній юноша Вячеславъ Михайловичъ Крутовскій. Неблагопріятную сенсацію произвела его смерть среди представителей нашей интеллигентіи. Развитый въ умственномъ отношеніи, полный энергіи и лучшихъ надеждъ и стремленій, Крутовскій представлялъ свѣтлый, дорогой типъ современного юношества... Онъ не признавалъ никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, никакихъ компромиссовъ съ окружающею средою. И судьба отплачивала ему по-своему, исключивъ его, 13-ти-лѣтніемъ мальчикомъ, изъ гимназіи за отвращеніе къ метафизическимъ наукамъ и за проявившееся въ учащемся юношествѣ живое стремленіе, руководителемъ котораго онъ былъ признанъ фактически. Судьба сыскала его съ тѣхъ поръ до послѣднихъ минутъ, сторожа каждый его шагъ, каждое слово. Эта-же судьба, въ концѣ-концовъ, подарила ему красную шапку, пригласивъ его въ общий призывъ новобранцевъ, бывшій въ Красноярскѣ 8 ноября... Въ результатѣ—самоубійство, совершенное вполнѣ хладнокровно, сознательно, съ улыбкою на устахъ, которую хорошо знали при жизни юноши его друзья... Тяжелое впечатлѣніе производятъ эти одинокіе выстрѣлы, свидѣтельствующіе о разладѣ между общественной жизнью и стремленіями отдельныхъ личностей; эти одиночные протесты противъ устарѣлыхъ порядковъ жизни уносятъ всегда лучшія силы изъ бѣднаго ими общества.

Енисейскъ (корресп. „Восточн. Обозр.“). Въ послѣднее время наша мужская прогимназія выступила съ новинкой: литературными вечерами, на которыхъ чтецами бывають дѣти и учителя; на вѣчера эти приглашаются и родители, и постороннія лица; учащіеся же обоего пола нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній должны быть обязательно; къ сожалѣнію, этого удовольствія лишены только дѣти нашихъ низшихъ школъ: уѣздного и приходскихъ училищъ, которыхъ на вѣчерахъ этихъ я не встрѣчалъ, быть можетъ потому, что костюмы ихъ по бѣдности не всегда опрятны и къ тому же разнообразны; между тѣмъ участіе ихъ на вѣчерахъ, мнѣ кажется, болѣе необходимо, чѣмъ дѣтямъ обучающимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ есть порядочныя дѣтскія библіотеки, изъ которыхъ еженедѣльно выдаются дѣтямъ книги для чтенія. Дѣти же нашихъ низшихъ школъ, по отсутствію въ нихъ ученическихъ библіотекъ, лишены этого образовательнаго пособія, а поэтому игнорировать этихъ

бѣдняковъ-дѣтей болѣе чѣмъ непростительно, тѣль болѣе еще потому, что чтенія эти происходятъ въ обширномъ помѣщеніи нашего общественнаго собранія, гдѣ недостатка въ помѣщеніи не встрѣтится. Если нельзѧ выполнить настоящій совѣтъ, то можно прибегнуть къ другой мѣрѣ: къ образованію ученическихъ библіотекъ при низшихъ школахъ, на помощь которымъ можетъ придти частная благотворительность и городскія учрежденія, которыхъ на-вѣро неоткажутся въ ежегодномъ денежнѣмъ пособіи, хотя бы въ размѣрѣ 100—150 рублей на всѣ школы. Библіотеки эти сослужили бы громадную пользу дѣлу народнаго образованія, пріучивъ съ равныхъ лѣтъ дѣтей къ книгѣ, отъ которой они неотстали бы и въ года взрослые. Починъ въ этомъ дѣлѣ долженъ принадлежать въ учебному начальству, или городской думѣ, въ которой къ тому же есть основпый фондъ „въ память 300-лѣтія Сибири“ для пособія учащимся въ нашихъ школахъ; а что можетъ быть лучше книги, этого великаго пособія въ развитіи въ человѣкѣ лучшихъ сторонъ? Заговоря о нашихъ литературныхъ вечерахъ, я не могу при этомъ не указать на одну изъ ихъ слабыхъ сторонъ, которая слишкомъ напоминаетъ извѣстное выраженіе: начнуть во здравіе, а окончать за упокой, т.-е. начнуть литературой, удѣливъ ей не болѣе двухъ часовъ, затѣмъ перейдутъ къ угощению дѣтей и развлечению ихъ танцами, противъ чего, конечно, я сказать ничего не могу, находя эти удовольствія разумными, но бѣда въ томъ, что они переходятъ въ крайности; вѣсто того, чтобы оканчивать ихъ, напр., въ 12 часовъ, они продолжаются до двухъ часовъ, и дѣти въ это время видятъ уже своихъ руководителей и отцевъ, сидящими за зеленымъ столомъ, а можетъ быть даже и за бутылкою, такъ что литературный вечеръ дѣлается уже вечеринкою, пикникомъ что-ли, и невольно у другого зародится такое сомнѣніе: ужъ не для этого ли былъ устроенъ литературный вечеръ... Это не одно личное мнѣніе, а мнѣніе всѣхъ, и принять его къ свѣдѣнію, мнѣ кажется, велишне.

Минусинскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Геніальный законодатель нашъ, Сперанскій, вступивъ въ управление Сибирью, нашелъ здесь особый родъ невольничества—кабалу. Будучи противникомъ всякаго рабства, Сперанскій проектировалъ законъ, въ силу которого сибирскій обыватель не въ правѣ вступать въ долговыя обязательства безъ дозвolenія, одобренія и поручительства членовъ волостного правленія, не въ правѣ наниматься въ услуженіе на срокъ болѣе одного года; а нанивший не въ правѣ задавать нанившемуся болѣе того, что можетъ отработать послѣдній въ теченіи года. Законъ этотъ остается въ своей силѣ и по настоящее время для сибирскихъ обывателей вообще, но въ частности, по отношенію къ ссылнопоселенцамъ, отмѣняется другимъ специальнымъ закономъ о частной золотопромышленности (4 ст. прав. о наймѣ ссылнопосел., прим. къ 111 ст. уст. о частн. золопр. изд. 1870 г.), въ силу которого „ссылнопоселенцу, оставшемуся въ долгу по найму на золотой пріискѣ, паспортъ не выдается до отдачи имъ долга, и наняться къ другому золотопромышленнику дозволяется не иначе, какъ если этотъ послѣдній приметъ на себя долгъ прежнему хозяину“.

Такимъ образомъ та сибирская кабала, противъ которой ратовалъ Сперанскій, вновь вошла въ законную силу подъ видомъ кабалы золотопромышленной. Поселенцу, оставшемуся по какимъ бы то ни было причинамъ въ долгу одному хозяину, трудно наняться къ другому, потому что должника рабочаго въ большинствѣ случаевъ избѣгаютъ; должникъ-рабочій—плохой работникъ. И вотъ, волей-неволей должникъ-поселенецъ остается у прежнаго хозяина на другой, третій и т.-д. годы. Долгъ, по обыкновенію, увеличивается; пріисковое управление начинаетъ стѣснять поселенца въ выдачѣ вещей; поселенецъ мстить лѣнотою или бѣжитъ съ пріиска;

его ловятъ, сѣкутъ и ставятъ на работы; онъ опять бѣжитъ или кончаетъ преступленіемъ, перемѣнявъ родомъ вольная каторжная работы на невольныя.

Очевидно, золотопромышленная кабала—зло и притомъ зло большой руки. На это зло следовало бы обратить вниманіе.

Устькаменогорскъ (Семипалатинской области) (корресп. „Вост. Обозр.“). Къ нынѣшнему рекрутскому набору привлечены были, наконецъ, и ясачные крестьяне нарымскаго края,—такъ съ 670 душъ способнаго къ отправленію воинской повинности мужскаго населенія „вышшелкали“, какъ выражаются крестьяне, девять человѣкъ... Это вѣдь выходитъ почти тринацдцать съ половиною человѣкъ съ тысячи!.. Чѣмъ руководились члены рекрутского присутствія „вышшелкивая“ съ крестьянъ тѣкой наборъ, превышающей втрое слишкомъ норму, ограниченную въ царскомъ манифестѣ, намъ неизвѣстно, да и крестьяне сами не знаютъ за что на нихъ экая напастъ навалилась разомъ?.. Желательно, чтобы обстоятельство это было разъяснено...

Въ настоящее время изъ деревень ясачныхъ нарымскихъ крестьянъ образована инородческая Верхне-Бухтарминская крестьянская волость. Повѣсили носы свои бывшіе „бѣловодцы“, а „бѣловодье“ самое сказкой казарменной стало!.. Давно запропала дарованная имъ „Екатерининская грамота“, освобождавшая ихъ отъ всякихъ поборовъ и наборовъ, сжегъ ее какой-то пьяница-писарь, разсердившій за что-то на бѣдныхъ крестьянъ! Стали мало-по-малу переводиться такие лихіе охотнички, какъ Титы Барсуковы, да и времена-то подошли не радостныя,—охота на звѣря, которой собственно и жили „ясачные“, сдѣлалась изъ рукъ вонъ плоха: соболь нарымскій нѣдетъ отчего-то въ кулѣмы,—стоять онъ больше все пустыми; дикий козель тоже порѣдѣлъ, извели его снѣга глубокіе, два года подрядъ падавшіе въ Алтай; бѣлки, жалуются, совсѣмъ нѣтъ. Цѣны на звѣря въ послѣднее время поднялись очень—соболь на мышь продаётся отъ 10 р. до 30 р. за шкурку, бѣлка 25 к. шкурка, а козла днемъ съ огнемъ не отыщешь. Одна надежда у Верхн.-Бухтарминского крестьянства осталась на мараловодство, изъ года въ годъ замѣтно увеличивающееся. У нѣкоторыхъ тамошнихъ крестьянъ въ загонахъ содержится мараловъ отъ 50 до 70 штукъ и прибыль отъ нихъ очевидная: мягкие маралы рога, срѣзываляемые весной, идутъ въ Китай ходко: прежде ихъ сбывали туда на взглядъ, нынѣ же они продаются на вѣсъ; цѣна на нихъ колеблется между 3-мя и 6-ю рублями за фунтъ. Вѣсомъ маралы рога, по сообщенію охотниковъ-крестьянъ, бываютъ различные, отъ 15 фунтовъ и до 1 пуда 10-ти фунтовъ пары; при сбытѣ ихъ по приведеннымъ нами цѣнамъ—мараловоды получаютъ солидный барышъ,—иногда пара такихъ роговъ продаётся отъ 150 р. и даже доходить до 300 руб. Маралъ вообще благодарное животное, не требующее особенного ухода за собой, было бы только заготовлено въ загонахъ достаточное количество сѣна. Будущность мараловодства здѣсь обеспечена, такъ какъ на мараловъ не бываетъ падежей.

Изъ Томской губерніи (корресп. „Вост. Обозр.“). Югъ Томской губерніи, городъ Бійскъ, все болѣе получаетъ экономическое значеніе, какъ торговый пунктъ на плодоносномъ югѣ Сибири. Здѣсь производится закупка и отправка хлѣба болѣе чѣмъ на миллионъ, точно также закупается огромное количество жировыхъ товаровъ, отсюда же вынѣ препровождается чрезъ Монголію въ Восточную Сибирь болѣе 10,000 головъ рогатаго скота, затѣмъ изъ Бійска пролагаются пути во внутренній Китай и Монголію и ведется вынѣ торговля съ Кобдо и друг. пунктами. Въ Бійскій округъ стремятся тысячи переселенцевъ и совершаются колонизація. Все это придаетъ

особенное значение этому району и повидимому могло бы заставить обратить на него внимание.

Между тѣмъ, вотъ уже 8 лѣтъ Бійское городское общество ходатайствуетъ о проведении до Бійска телеграфа, на это собраны уже пожертвования, сборъ произведенъ на телеграфные столбы, деньги давно отосланы; кромѣ того, дума опредѣлила дать для телеграфной станціи даровую квартиру. Въ Бійскѣ былъ даже для предварительного осмотра телеграфный чиновникъ. Къ удивленію и горечевію, телеграфъ остался непроведеннымъ, а телеграфная линія прошла на Змѣиногорскъ, хотя эта линія не имѣть особаго значенія и некоторые думаютъ, что главная ея услуга будетъ поздравленіе съ днемъ ангела змѣиногорскими горами чиновниками барнаульскихъ со-братьй. Въ виду торговой важности и государственныхъ интересовъ и некоторые гласные бійской думы, не видя доселъ проведения телеграфа и потерявъ терпѣніе, рѣшились обратиться въ министерство. Кажется ближе всего обѣ этомъ позаботиться губернскому городу (Томску) и губернскимъ опекунамъ, но повидимому они отвлечены другими задачами. На многочисленныя приглашенія къ пожертвованіямъ изъ Томска на учреждаемые разные благотворительные пріюты, бійцы иногда отвѣчаютъ слѣдующими краснорѣчивыми письмами, образецъ которыхъ мы приводимъ:

„Искренно сочувствуя предпринимаемому вашимъ п—ствомъ искренно добруму дѣлу, я съ полнотой готовности, для устраиваемой попечительствомъ въ пользу дѣтского пріюта лоттереи-аллегри, жертвуя дюжину чайныхъ серебряныхъ ложекъ, которыя и препровождаю въ особой посылкѣ. При этомъ считаю долгомъ уведомить, что письмо ваше я сейчасъ же сообщилъ всѣмъ болѣе состоятельнымъ жителямъ нашего города, въ надеждѣ, что многіе изъ нихъ отнесутся къ нему сочувственно, но люди эти, изъ одной благодарности за всегдашнее ваше содѣйствіе во всѣхъ нуждахъ и потребностяхъ города Бійска, готовы быть жертвователями столь благотворительной цѣли только въ той увѣренности, что при содѣйствіи вашего п—ства можетъ осуществиться нашего общества завѣтная мечта — проведение телеграфа, которая при всемъ стараніи и ходатайствѣ въ теченіи восьми лѣтъ не можетъ осуществиться. Между тѣмъ, съ проведениемъ телеграфа дѣятельность нашего коммерческаго быта удешевится, и отъ полученной пользы наше общество могло бы служить не одному благотворительному дѣлу. Но что же остается дѣлать, если ни ходатайство общества предъ администрацией и ни материальное пособіе телеграфному вѣдомству въ видѣ жертвъ наличными деньгами и готовой квартирой, не помогаютъ, остается только смиренно ждать еще неопределенное время до проведения телеграфа...“

Подобные отвѣты довольно ясно намекаютъ, насколько слѣдовало бы позаботиться о настоящихъ нуждахъ края. Положимъ, лоттереи-аллегри и попечительство вещь полезная, но вѣдь губернія — житница Сибири съ миллиономъ населенія, съ развивающеюся торговою дѣятельностью, съ ея экономическою жизнью, не можетъ же не требовать другихъ заботъ и вниманія къ болѣе капитальнымъ вопросамъ, чѣмъ лоттереи-аллегри.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ СТРАНСТВІЙ ПО МОНГОЛИИ.

(Дневникъ г. Сафьянова)
(Окончаніе).

21 августа, простишись съ послѣдними обитателями южнаго склона Саянского хребта, мы стали подниматься все выше и выше въ гору и, пройдя 15 верстъ, остановились на ночлегъ. Мѣсто открытое, поросшее изрѣдка кедромъ, только

кедръ здѣсь невысокій. Почва — мѣстами голый камень, а мѣстами сплошь покрыта оленымъ мхомъ, слой котораго иногда въ аршинъ толщиной и глубже. Озеръ нѣть, но на всемъ пространствѣ мы встрѣчали воду, только въ небольшихъ, но многочисленныхъ ручейкахъ, впадающихъ въ Башкемъ. Вечеромъ, когда мы уже пришли на ночлегъ, выпалъ снѣгъ въ четверть аршина; температура значительно понизилась. Утромъ 22 августа мы стали подниматься еще выше въ гору, и въ этотъ день, пройдя верстъ 7-ми, мы добрались до вершины Саянского хребта, который здѣсь уже былъ сплошь покрытъ снѣгомъ.—Мы остановились въ одной изъ болѣе глубокихъ лощинъ этого хребта. Къ нашему счастію въ лощинѣ не было снѣгу; окруженная горами, она была защищена отъ вѣтровъ; на днѣ лощины оказалось небольшое озерко; вся лощина покрыта была хотя и скудно, но все-таки зеленою травяною растительностью; изъ кустарниковъ мы встрѣтили здѣсь довольно много кустарной березы и кедроваго сланца. Окружающія горы были или совершенно голые утесы, или покрыты крошечными лишайниками.

Съ 22 по 30 августа, мы шли по вершинѣ Саянского хребта по направлению на сѣверо-востокъ, не болѣе какъ по 10 верстъ въ день; хотя мы и проходили такое небольшое разстояніе по довольно ровной мѣстности, но все-таки лошади наши страшно уставали, не имѣя почти вовсе корма кромѣ мха и лишайниковъ и проходя по сплошной каменистой дорогѣ. Да и собственное наше состояніе было нелучше бѣдныхъ нашихъ лошадей! Взору нашему представлялись самыя безотрадныя картины; все горы и горы, куда только могъ проникнуть глазъ — ширина хребта, по которому мы шли, мѣстами была верстъ въ 30 и болѣе, мѣстами на пѣмъ стояли какъ бы отдельныя сопки; это болѣе высокія вершины этого хребта. Сопки эти, какъ намъ казалось, терялись въ облакахъ.—Разумѣется, если бы у насъ была увѣренность, что чрезъ нѣсколько дней такой мучительной дороги мы будемъ спасены, доберемся до человѣческихъ поселеній, то нельзѧ было бы не любоваться тѣми величественными ландшафтами, которые открывались намъ со всѣхъ сторонъ. Но при томъ настроеніи духа, въ какомъ мы находились: голодные, озябшие, со страхомъ погибнуть въ лабиринтѣ этихъ высокихъ и многочисленныхъ горъ, намъ было не до картинъ; въ нашемъ умѣ и воображеніи рисовались другія болѣе мрачныя картины гибели чуть не голодною смертью, вдали отъ семейства и родины. Горькія и тяжелыя минуты пришлось пережить мнѣ въ эти несчастные 8 дней! Во всю свою жизнь я не забуду этихъ дней! Сколько пришлось перенести, передумать, испытать за все это время, это можетъ понять только тотъ, который знакомъ съ жизнью искателя золота, или заблудившагося охотника. Но не на всемъ пройденномъ нами пространствѣ по этому хребту не было лѣсу; мѣстами росъ небольшими рощами кедръ, особенно въ мѣстахъ нѣсколько защищенныхъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, и у подножія большихъ высокихъ точекъ этого хребта. На половинѣ пути въ сѣдловинѣ горы мы встрѣтили кедровый лѣсъ болѣе значительнымъ участкомъ и въ немъ слѣды времененного человѣческаго пребыванія, въ видѣ пирамидальныхъ оставовъ, сдѣланныхъ изъ жердей, для устройства коническихъ берестяныхъ юртъ. Хотя бересты мы и не видѣли, но, какъ послѣ я узналъ, временные обитатели этихъ юртъ всегда привозятъ и увозятъ ее обратно. Это царство жердинъ

пирамидъ оказалось мѣстомъ ежегоднаго зимняго съѣзда охотниковъ-сойотовъ съ Окинскими бурятами, какъ мнѣ пояснилъ нашъ проводникъ сойотъ.

Къ нашимъ невзгодамъ еще прибавилась хромота лошадей отъ неудобнаго пути по голому камню, по грязи, по сучьямъ и колодамъ, чрезъ которыхъ иногда приходилось перелѣзать и перескакивать въ лѣсу; случалось, что отъ такихъ препятствий лошади расходились въ разныя стороны и намъ было много труда, чтобы направить ихъ на слѣдъ за нашимъ проводникомъ. На наше счастіе, во все путешествіе по хребту стояла ясная погода; хотя снѣгъ, выпавшій 21 августа, не стаивалъ, за то и не прибавлялся.

30 августа, наконецъ, путешествіе наше по вершинамъ хребта окончилось и мы спустились на сѣверный склонъ хребта въ долину рѣки Тисы, притока р. Оки, какъ намъ заявилъ нашъ проводникъ сойотъ, прибавивъ при этомъ, что его миссія, какъ проводника, выполнена, что далѣе онъ не знаетъ дороги, но что по указанной имъ рѣкѣ мы свободно, безъ всякихъ затрудненій доберемся до бурятскихъ поселеній. Хотя мы и не были увѣрены въ истинѣ всего заявленнаго, да и трудно было быть увѣренными, не видя предъ собою нималѣйшаго чего нибудь, что напоминало бы слѣды человѣка, хотя бы въ видѣ крошечной тропинки, тѣмъ не менѣе я не могъ долѣе задерживать нашего проводника и, вознаградивъ его, кромѣ обѣщанной ему за труды лошади, еще прибавилъ ему въ подарокъ бумажной матеріи для его семейства, чаю и табаку, и, поблагодаривъ его за услуги, мы приуждены были разстаться съ единственнымъ человѣкомъ, бывшимъ съ нами и знакомымъ съ мѣстностію, гдѣ мы тогда находились.

Мѣстность, гдѣ наше оставилъ нашъ проводникъ, оказалась прекрасной горной луговиной, покрытой довольно сочной растительностью, достаточнымъ кормомъ для нашего табуна, особенно послѣ голой вершины хребта, по которому намъ пришлось странствовать дней десять. Мѣстность эта была отдыхомъ лишь для нашихъ отощавшихъ лошадей; что касается самихъ, душевное настроение наше было самое скверное. Явилось много неотвязчивыхъ вопросовъ, на которые мы не могли дать отвѣта. Гдѣ мы? Куда завелъ насъ нашъ проводникъ? Дѣйствительно ли эта рѣчка Тиса и течетъ по направленію къ Ангарѣ? Скоро-ли мы доберемся до человѣческихъ поселеній? Эти и тому подобные вопросы приводили насъ въ отчаяніе. Весь караванъ раздѣлился на партии; некоторые настаивали вернуть нашего проводника и, бросивши въ горахъ лошадей, вернуться хотя и пѣшкомъ до предпослѣдняго сойотскаго улуса. Ропотъ былъ общій, но къ счастію никто изъ рабочихъ меня не обвинялъ и видя, что я больше ихъ страдаю и переношу, вполнѣ мнѣ сочувствовали. Благоразуміе, наконецъ, взяло верхъ, и мнѣ удалось уничтожить расколъ въ нашей компаніи, убѣдивъ всѣхъ, что возвращеніе въ Минусинскъ старымъ путемъ немыслимо. Послѣ окончательного и общаго решенія (за безвыходность нашего тогдашняго положенія) спуститься по долинѣ указанной намъ р. Тисы, мы сдѣлали здѣсь дневку.

31 августа. Мы начали спускаться съ хребта по долинѣ р. Тисы, которая, какъ и все долины горныхъ рѣчекъ, то расширяется до версты и болѣе, то прерывается подходящими съ обѣихъ сторонъ рѣки утесами, дѣлаясь такимъ образомъ непрѣходимою для массы скота; при такихъ условіяхъ мы

прошли около 30 верстъ до 4 часовъ вечера; къ дальнѣйшему нашему странствованію явилась естественная преграда, которая привела всѣхъ насъ въ новое отчаяніе, и опять возбудила ропотъ среди работниковъ, находившихся уже и такъ въ самомъ возбужденномъ состояніи. Богъ знаетъ чѣмъ могла бы окончиться эта новая вспышка, если бы я не увѣрилъ, что опасаться еще нечего, опасность не такъ велика, что я лично попытаюсь отыскать выходъ изъ этой, какъ мы всѣ называли, западни, гдѣ р. Тиса входитъ въ щеки окружающихъ горъ, образуя изъ себя глубокое и довольно большое озеро до 6 верстъ въ окружности. Величину и форму озера я узналъ только на другой день, когда вдвоемъ съ однимъ рабочимъ мы поднялись на одну изъ окружающихъ горъ, чтобы найти болѣе удобное мѣсто для обхода этого озера.— Въ слабой надеждѣ найти какой нибудь выходъ, мы расположились на ночлегъ.

1 сентября. Оставивъ на мѣстѣ ночлега весь нашъ караванъ, я, вдвоемъ съ работникомъ, минусинскимъ мѣщаниномъ Горносталевымъ, поднялся по крутыму косогору, дѣлая зигзаги по прилегающей къ рѣчкѣ горѣ; отправляясь въ эти поиски дороги, мы вмѣли только на пропитаніе одну чашку сухарей. Вся гора поросла лиственницей, вершина горы оказалась очень неширокой, не болѣе 30 сажень; на вершишѣ ея мы нашли небольшую тропинку, пройдя по которой до 200 сажень, мы увидали на ней конскій пометъ. Такая находка могла служить полезнымъ указаніемъ для дальнѣйшихъ нашихъ поисковъ, и потому, конечно, мы очень ей обрадовались, у насъ явилась нѣкоторая надежда на успѣхъ. Выйдя на болѣе открытое мѣсто горы, мы увидѣли слѣдующій ландшафтъ: предъ нами открывалась довольно большая и широкая долина, окруженная горами, поросшими лѣсомъ; въ одномъ углу долины р. Тиса представляеть изъ себя озеро и затѣмъ, кромѣ р. Тисы, долину пересѣкаютъ еще двѣ рѣчки, притоки Тисы. Спустившись съ горы въ долину, мы проѣхали по пей около двухъ верстъ; подъѣзжая къ одной изъ рѣчекъ, увидѣли самое привлекательное и интересное для насъ зрѣлище: бѣлая лошадь паслась на долинѣ и около нея едва замѣтный дымокъ. Подъѣхавъ къ этому дыму, мы увидѣли охотника бурята, приготовлявшаго себѣ жаркое на шашлыкѣ. Я не въ состояніи передать на бумагѣ тѣ чувства радости, которыя я и мой спутникъ испытали, увидѣвши эту сцену; ихъ можетъ понять только тотъ, кто въ продолженіи 3-хъ недѣль испыталъ, подобно намъ, все то, что мы испытали.

Не зная монгольского языка настолько, чтобы объясниться съ охотникомъ, который, замѣчу здѣсь, оказался очень гуманнымъ, раздѣливши съ нами свою трапезу, я все-таки изъ его словъ понялъ, что въ недалекѣ находится бурятское селеніе, въ которомъ есть толмачъ, и что онъ проводить насъ до этого селенія.

По приѣздѣ въ селеніе, состоящее впрочемъ только изъ 10 ти юртъ, покрытыхъ дерномъ, я вошелъ въ юрту толмача; онъ хотя и плохо зналъ русскій языкъ, но я кое-какъ съ нимъ разговорился; вначалѣ онъ принялъ меня за купца, прїехавшаго изъ Иркутска покупать у нихъ скотъ, а затѣмъ, когда я объяснилъ ему, что мы прїехали изъ-за Саянскаго хребта изъ Монголіи, онъ въ этомъ усомнился; онъ глубоко былъ увѣренъ въ невозможности такого путешествія съ табуномъ лошадей, и принялъ насъ за бѣглыхъ каторжныхъ.

Не знаю, чѣмъ бы окончилась наша аудіенція у толмача, если бы я не догадался о его подозрѣніи и не предложилъ бы купить у него за деньги быка и барана. Купивши быка, мы оставили его у толмача, а барана закололи, и съ мясомъ уже къ вечеру мы вернулись къ своимъ товарищамъ, находившимся въ большомъ страхѣ, какъ за нась, такъ и за себя.

Наше появленіе, да еще съ такой добычей, какъ баранъ, конечно, было встрѣчено восторженно, а когда мы подѣлились и свѣдѣніями, пріобрѣтенными въ бурятскомъ улусѣ, то радости и ликованію не было конца; забылись на время перенесенные труды и лишенія, забыли укоризны, которыя невольно вырывались во время многострадального пути въ отношении тѣхъ, которымъ приписывалось всеобщее горе, забыли и то, что впереди еще предстоитъ немало хлопотъ, раньше чѣмъ вернемся домой. 3 сентября, утромъ, съ новыми надеждами, съ радостными лицами, мы вернулись версты три обратно, чтобы обойти озеро, которое задержало нась, и логомъ поднялись на гору; обогнувши озеро, вышли на то же мѣсто, гдѣ встрѣтили первого бурята, а къ вечеру со всѣмъ табуномъ пришли въ улусъ къ толмачу, гдѣ купили быка.

4 сентября. Дневка. Весь день посѣщали нась хозяева улуса. Всѣ были крайне удивлены и заинтересованы нашимъ появленіемъ, но бесѣдовать намъ съ ними не пришлось по той простой причинѣ, что мы не знали пхъ языка, а они нашего.

5 сентября. Мы отправились внизъ по теченію р. Тисы и въ этотъ день прошли версть 25-ть. На всемъ этомъ пространствѣ Тиса протекаетъ извилисто. Между окружающими горами залегаютъ береговыя поліны (займища)—то съ одной, то съ другой стороны рѣки; на займищахъ очень часто встречались лѣтнія стойбища бурятъ, юрты изъ бревенъ, крытыя дерномъ да небольшія дворовыя постройки; жителей этихъ лѣтниковъ мы не видѣли; въ это время они всѣ уже откочевали на зимнія стоянки. На почлегъ мы остановились при одномъ изъ такихъ лѣтниковъ, напротивъ улуса, съ лѣвой стороны по теченію р. Тисы; на займище выходили большие утесы бѣлаго кварца. Долина Тисы въ этомъ мѣстѣ была въ ширину не болѣе 150 саж., покрыта скучною растительностью кормовыхъ травъ; мѣстами бѣлѣлись солончаки.

6 сентября. Мы продолжали наше путешествіе все по той же р. Тисѣ и въ этотъ день прошли версть 20; на почлегъ вышли на р. Оку, гдѣ встрѣтили бурятскій улусъ, довольно большой. Въ улусѣ мы пріобрѣли за 4 рубля пудъ ржаной муки и за рубль съ фунтъ соли, и такъ сказать отвели душу свою этимъ лакомствомъ, котораго уже давно не имѣли. Какимъ вкуснымъ показался намъ—сатурانъ, приготовленный по бурятски. Это чай съ поджаренной мукой. Но особенно дорога намъ была соль, ге по своей цѣнѣ, 1 р. за фунтъ, а потому, что эта необходимая приправа уже давно у насъ истощилась, а намъ—непривычнымъ, и никогда до этого не ъѣвшимъ, употреблять конину да еще и безъ соли, было не особенно вкусно.

7 сентября мы отправились долиной р. Оки вверхъ, караульной дорогой, до вершины р. Иркута и затѣмъ начали спускаться внизъ по р. Иркуту на Мондинской караулѣ, гдѣ мы 17 сентября встрѣтили скотопромышленника минусинскаго купца Н. Ф. Веселкова, болѣе счастливо прогнавшаго

свой скотъ по новому пути чрезъ Монголію на озеро Кошоголь и Тунку. Путь этотъ описанъ г. Веселковымъ и напечатанъ въ извѣстіяхъ Императорскаго русскаго географическаго общества.

18 сентября вмѣстѣ съ г. Веселковымъ мы отправились долиной Иркута, по дорогѣ на Тунку, гдѣ я продалъ часть своихъ лошадей, разумѣется съ большимъ убыткомъ, а съ остальными лошадьми, 20 октября, благополучно прибыль въ Иркутскъ, гдѣ продалъ и ихъ. Все наше странствованіе до Иркутска продолжалось 90 дней; кромѣ потраченного времени и понесенныхъ трудовъ, лишеній, страха, я еще понесъ материальныхъ убытковъ болѣе, чѣмъ на 1,500 рублей.—Сума очень значительная, при тогдашихъ моихъ денежныхъ обстоятельствахъ.

Въ заключеніе могу только сказать, что пройденный нами путь для прогона скота неудобенъ уже потому, что не вездѣ можно имѣть достаточно корма; нѣкоторыя мѣста Саянскаго хребта совершенно безкормные, затѣмъ много нереправъ чрезъ рѣки, каменистая дорога и, наконецъ, что всего важнѣе, и разстояніе, немногимъ меньше того скотопрогоннаго пути, по которому уже много лѣтъ путешествуютъ минусинскіе скотопромышленники, а именно на Сисимъ, Кансѣ и московскимъ трактомъ въ Иркутскъ; разница будетъ приблизительно въ 300 верстъ.

Георгій Сафьянновъ.

САИДЪ-АЗИМЪ-БАЙ.

(Изъ туркестанскихъ воспоминаній).

Наши завоеванія въ Средней Азіи и занятіе Туркестана, Кокана и другихъ мѣсть, заставили насъ столкнуться и познакомиться съ новою средою инородцевъ, жившихъ своею жизнью, имѣвшихъ свою культуру и представлявшихъ много оригинальныхъ явлений. Этотъ инородческій міръ азіатцевъ представлялъ массу типовъ, которые уловить и понять памъ не всегда удавалось. Здѣсь были свои вожди, своя интелигенція, аристократія, свои дипломаты, политики, честолюбцы, герои и авантюристы.

Мы познакомимъ съ однимъ изъ даровитѣшихъ представителей азіатцевъ, котораго многіе хорошо помнятъ. Эта сила, къ сожалѣнію, въ переходное время была дурно направлена и причинила много затрудненій и своимъ собратьямъ и намъ. Разгадать ее удалось не съ разу. Эта звѣзда имѣла свое время, она достигла высшей точки на своемъ горизонте, а затѣмъ имѣла свое паденіе и закатъ. Мы имѣемъ въ виду воскресить нѣкоторыя воспоминанія и сдѣлать небольшую характеристику этого азіатскаго типа.

Ловкій, умный, смѣтливый, Сайдъ-Азимъ - Муххамедъ-Баевъ началъ свою карьеру еще до прихода русскихъ. Происходя отъ рабовъ, онъ сперва и мечтать не смѣлъ о сколько-нибудь самостоятельномъ положеніи,— ему невозможно было выдѣлиться изъ толпы мелкихъ торговцевъ; а душа его между тѣмъ жаждала почестей, богатства, славы,— она не уживалась съ посредственностью. Оставалось одно изъ двухъ: или на вѣкъ проститься со всякими розовыми мечтами и запрятаться въ какую-нибудь грязную лавченку,

наго ташкентского базара, или же властвовать надъ тѣмъ самимъ обществомъ, которое не хотѣло признать его достоинства и принять въ свою среду. Жребій былъ брошенъ.

Первые усилия Сайдъ-Азима были направлены къ тому чтобы выслужиться передъ ташкентскимъ бекомъ *) и съ его помощью сдѣлаться известнымъ самому хану кокандскому; для этого были пущены въ ходъ всевозможные средства, въ выборѣ которыхъ онъ не стѣснялся,—подкупъ, навѣты, доносы и т. п., все было хорошо для него, лишь бы достигнуть завѣтной цѣли. Такимъ образомъ, преодолѣвая всѣ препятствія, уничтожая всѣхъ противниковъ, постепенно поднимался онъ. Тогда-то поняли его сограждане, что напрасно презирали человѣка, который съ минуты на минуту изъ бѣднаго торговца могъ превратиться въ грознаго повелителя; они почувствовали на себѣ его силу и стали бояться; одни покорно подчинились его вліянію, другіе же, напротивъ, зашивъ свою злобу, стали въ сторонѣ, выжидая удобный случай, чтобы погубить его. Это не ускользнуло отъ прозорливости Сайдъ-Азима и заставило его призадуматься. Въ среднеазіатскихъ независимыхъ ханствахъ фортуна до того измѣнила, что человѣкъ, пользующійся, напримѣръ, самымъ почетнымъ, вполнѣ обезпеченнымъ положеніемъ, никогда не можетъ поручиться за завтрашній день:—мигомъ, благодаря какому-нибудь доносу, безъ всякой основательной причины, онъ можетъ лишиться не только званія и имущества своего, но даже и жизни. Убѣдившись на опытѣ въ непостоянствѣ судьбы, предусмотрительный Сайдъ-Азимъ принялъ пріисканіе другой путь къ упроченію своего положенія.

Накопивъ кое-какія средства, онъ понемногу покинулъ административную дѣятельность и, точно судьба его подтолкнула, предался торговлѣ, но не мѣстной, которая не обѣщала большихъ прибылей, а вѣнчайшей, представлявшей его предпріимчивому уму болѣе обширное поприще. Войдя въ сношенія съ русскими торговцами, онъ быстро подвинулъ свои торговые обороты и не ограничился однимъ Туркестаномъ и его западными окраинами,—частенько можно было его встрѣтить даже и на нижегородской ярмаркѣ. Однако, несмотря на первоначальный успѣхъ, обѣщавшій много въ будущемъ, честолюбивый Сайдъ-Азимъ не былъ въ состояніи удовольствоваться одною торговлею,—его натура стремилась къ болѣе многосторонней дѣятельности.

Тонкое чутье подсказало ему образъ дѣйствій, котораго ему слѣдовало придерживаться. Хотя и смутно, онъ все-таки догадывался,—какую важную, первостепенную роль придется въ недалекомъ будущемъ играть русскимъ въ Средней-Азіи. Какъ только русскія войска побѣдоносно вступили въ Туркестанскій край, Сайдъ-Азимъ-Бай былъ первымъ, чтобы ихъ встрѣтить. Послѣ этого ничего вѣтъ удивительного, что русские охотно приняли его услуги: для начала этотъ человѣкъ могъ быть очень полезнымъ.

Правдой и неправдой получивъ доступъ къ нашимъ властямъ, Сайдъ-Азимъ немедленно монополизировалъ себѣ это право. Онъ направилъ всѣ свои усилия къ тому, чтобы по возможности отстранить всѣхъ туземцевъ отъ администраціи и сдѣлаться передаточною, посредничествующею инстанціею

между первыми и послѣднею,—чтобы помимо его ничто не творилось; однимъ словомъ, онъ умудрился убѣдить всѣхъ, что безъ него въ городѣ Ташкентѣ ничего нельзя предпринять и что онъ самый необходимый человѣкъ, безъ котораго шага нельзя сдѣлать, ни одной мѣры предпринять, никакого порядка устроить. Добившись этого результата и имѣя противъ всякихъ бѣдъ и напастей твердую, постоянную опору въ нашей администраціи, ему уже нетрудно было воспользоваться плодами своей ловкой политики.

Возбуждая противъ себя негодованіе, вполнѣ справедливое, соотечественниковъ своихъ, Сайдъ-Азимъ относился къ этому совершенно равнодушно; онъ зналъ, что его боялись и что онъ въ состояніи принудить къ смиренію каждого, кто осмѣлился бы открыто ему противодѣйствовать. Постепенно онъ пріобрѣлъ такое громадное вліяніе, что туземное населеніе Ташкента стало считать его вторымъ лицомъ въ городѣ послѣ генераль-губернатора. Противниковъ своихъ Сайдъ-Азимъ держалъ въ постоянномъ страхѣ, чему немало способствовали многочисленные его сторонники; сторонниками же его были: или раздѣлявшіе съ нимъ незаконно-пріобрѣтаемыя выгоды, или получавшіе отъ него плату и подарки и служившіе ему послушными орудіями для достижения его цѣлей, или же, наконецъ, принужденные подчиняться его требованіямъ изъ боязни гоненій.

Благодаря ловкости и изворотливости, Сайдъ-Азимъ-Бай всегда удавались всѣ продѣлки, незаконность которыхъ оставалась скрытою отъ русскихъ. Послѣдніе были вполнѣ убѣждены, что этотъ человѣкъ совершенно преданъ ихъ интересамъ. И въ самомъ дѣлѣ, истину было трудно открыть. Сайдъ-Азимъ никогда не отказывался ни отъ какой благотворительности (даже въ пользу русскихъ), ни отъ одного по жертвованія, съ замѣчательнымъ гостепріимствомъ и радушіемъ принималъ у себя завоевателей, задавалъ въ честь ихъ пиры и празднства, никогда не упускаль ни одного удобнаго случая, чтобы оказать какую-нибудь услугу,—короче сказать, искусно пускалъ пыль въ глаза.

Въ дѣйствительности было совсѣмъ другое.

Передъ русскими и передъ своими соплеменниками Сайдъ-Азимъ представлялъ изъ себя два совершенно различныхъ лица. Передъ русскими всегда покорный, ласковый, улыбающійся, предупреждающій малѣйшія желанія, готовый на всякую услугу. Можно было бы подумать, что преданность его не остановится ни передъ какими жертвами. Въ средѣ же своихъ соотечественниковъ это былъ совсѣмъ другой человѣкъ: чрезвычайно высокомѣрный, повелительный, отдающій приказанія тономъ, нетерпящій противорѣчій, угрожающій наказаніемъ за всякое неповиновеніе, онъ походилъ скорѣе на независимаго хана ташкентскаго, чѣмъ на нашего подданнаго,—мы же были лишь его вѣрными помощниками, добрыми друзьями. Любопытно было посмотретьъ, когда онъ щахъ по туземному городу: въ великолѣпномъ халатѣ, на отличной лошади, покрытой богатою попоной, важно подвигался онъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Встрѣчные обязаны были привѣтствовать его почтительными поклонами,—въ противномъ же случаѣ они подвергались замѣчаніямъ. Тамъ же, гдѣ было большое стеченіе народа, сателлиты его кричали: „Турунгъ-Бай-Каля“! т.-е. встаньте, господинъ ёдетъ. Ни дать, ни взять, ханъ кокандскій или эмиръ бухарскій. Играя въ двойную игру, Сайдъ-Азимъ пользовался

*) Еще въ то время, когда Ташкентъ составлялъ отдѣльное бекство и зависѣлъ отъ кокандскаго хана.

каждымъ случаемъ, чтобы выставить насъ въ черномъ свѣтѣ передъ туземцами, а себя выказать единственнымъ ихъ защитникомъ. Очень старательно поддерживалъ онъ въ своихъ соплеменникахъ убѣжденіе, что если-бы его не было, то всевозможныя бѣды непремѣнно обрушились-бы на нихъ, и что если ихъ щадить, то единственно по его милости, такъ какъ русскіе страшатся его вліянія въ туркестанскомъ краѣ.

Доискаться истины было тѣмъ труднѣе, что мусульмане, не довѣряя кяфирамъ *), клонились болѣе въ сторону своего единовѣрца. Азимъ-Бай росъ.

К.—ъ.

(Окончаніе будетъ).

СТРАСТЬ КЪ МАМОНТАМЪ.

(ФЕЛЬЕТОНЪ).

На-дняхъ я прочѣль, что въ одно сибирское учрежденіе кто-то пожертвовалъ двѣ окаменѣлости: „найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ огромной величины зубъ мамонта и обломокъ хобота этого животнаго длиною $1\frac{1}{4}$ аршина“. Окаменѣлый хоботъ! Изумительно! подумалось мнѣ. Этотъ фактъ далъ мнѣ поводъ припомнить многія другія ученыя открытия, сдѣланныя въ Сибири.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, мы помнимъ, въ Сибири была особая „страсть къ мамонтамъ“ и ученымъ открытиямъ, страсть, кажется, вызванная пріѣздомъ одного просвѣщенаго начальника, поощрявшаго науку. Всѣ пустились тогда отыскивать мамонтовъ. Кроме знаменитаго мамонта, открытаго Шмитомъ, было открыто и немало другихъ мамонтовъ. Такъ изъ Маринскаго округа телеграфировали въ академію наукъ о замѣчательной находкѣ на одномъ пріискѣ. Пока изъ Петербурга командированъ былъ ученый, на мѣстѣ дѣлалъ дознаніе полицейскій чиновникъ. Рапортъ его я имѣлъ честь читать. Въ немъ значилось: „на пріиске купца такого-то подъ слоемъ земли на аршинъ глубиною открыта была кожа неизвѣстнаго звѣря, повидимому мамонта, а такъ какъ подъ сею кожею должно было находиться мясо и прочія части животнаго, то я приступилъ къ раскопкѣ. Подъ кожею найденъ бѣлый жирный пластъ, какъ видно жиръ. Копаемъ въ торой день, но докостей еще не дошли. Бросали (жиръ) собакамъ—не їдатъ“ Когда пріѣхалъ ученый, то открылъ, что копали слой жирной глины, и кто-то дѣлалъ изъ нея даже котлету. Вмѣсто же кожи мамонта къ удивленію оказалась „горная кожа“ (минералъ). Но этимъ открытия не кончились.

Вскорѣ одинъ изъ обывателей въ городѣ N, къ которому никакая наука ни съ переднаго, ни съ заднаго крыльца не проникала, получилъ увѣдомленіе черезъ находящуюся у него въ услуженіи кухарку, что дѣти его, играя въ кучѣ навоза, на пескѣ величественно возвышавшейся во дворѣ сего обывателя, отыскали страннаго вида и значительной величины зубъ. Обыватель былъ не изъ дальнихъ и всю свою жизнь заправлялъ инвалидными командами; озадаченный этимъ открытиемъ, онъ препроводилъ изумительный зубъ при слѣдующемъ рапорѣ: „Найдя на дворѣ собственного моего дома зубъ странной формы и неузақоненныхъ размѣровъ, за неотысканіемъ кому сей зубъ изъ чиновъ вѣренной мнѣ команды могъ принадлежать, имѣю честь представить его на зависающее распоряженіе“.

На вопросъ, послѣдовавшій затѣмъ, гдѣ этотъ зубъ найденъ, а также не находится ли еще костей, тотъ же обыватель, боясь какого либо упущенія, а также желалъ показать рев-

ность въ ученыхъ изысканіяхъ, донесъ, что имъ сдѣлано надлежащее распоряженіе для отысканія другихъ частей тѣла, и также и самаго владѣльца упомянутаго зуба, о послѣдствіяхъ чего будетъ немедленно донесено.

Съ этою цѣлью обыватель, изъ инвалидовъ, собравъ вѣренныхъ ему чиновъ мѣстной инвалидной команды, явился для розысковъ подъ его личнымъ наблюденіемъ на берегъ рѣчки Шаршивой, такъ какъ по показанію кучера кучи песка добывались съ онаго берега рѣчки. Рѣшено было для отысканія неизвѣстнаго трупа рыть берегъ. Рыли, рыли... Сначала былъ раскопанъ навозъ, потомъ пошелъ щебень, а потомъ наткнулись на особую почву весьма рыхлаго свойства и остраго запаха. Почва эта оказалась историческою почвою города и носила слѣдъ, какъ и была результатомъ долгаго пребыванія въ этихъ мѣстахъ мѣстныхъ инвалидныхъ командъ. Но владѣльца зубовъ, къ величайшему огорченію, отыскано не было, хотя мѣстному полицейскому управлению и предписано было произвести точное дознаніе и розыски, кѣмъ и когда утерянъ упомянутый чрезвычайный зубъ и почему о семъ въ мѣстную полицію дано знать не было; но и само полицейское управление остановилось предъ трудностью задачи, рапортую, что людей съ выбитыми зубами оно можетъ представить сколько угодно, но указать точно кому изъ нихъ можетъ принадлежать упомянутый зубъ, оно рѣшительно затрудняется. Въ заключеніи полицейское управление присовокупляло, что по сдѣланной публикаціи въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ владѣльца зуба не явилось и хотя по слухамъ приписываютъ зубъ этотъ потеряннымъ однимъ изъ новобранцевъ, отправлявшихся въ нынѣшнюю навигацію въ Туркестанъ, но за достовѣрность этихъ слуховъ полицейское управление ручаться не можетъ. Тогда рѣшено было необычайный зубъ представить въ Петербургъ въ одно ученое общество „на резолюцію“.

Въ отвѣтъ на это послѣдовала въ одномъ изъ обществъ слѣдующая поучительная рѣчь, сказанная петербургскимъ ученымъ:

„Въ послѣднее время въ Сибири развилась необыкновенная страсть отыскивать разныя необыкновенныя рѣдкости и въ томъ числѣ производить раскопки за поисками мамонтовъ. Берутся за это однако люди далеко къ подобнымъ изысканіямъ неспособные и ничего общаго съ наукой неимѣющіе; понятно поэтому, что ихъ усилия оканчиваются только открытиемъ собственной исторической почвы рыхлаго свойства и

*) Кяфиры—невѣрные.

остраго запаха. Настоящій примѣръ служить тому свидѣтельствомъ. Какъ ни бѣдны подобныя открытія результатами и плодами на пользу науки и человѣчества, тѣмъ не менѣе и они даютъ свои уроки, будемъ же благодарны открывателямъ."

"Въ Сибири, господа, прибавилъ ученый, безсмертіемъ пользуются только скоты въ родѣ мамонта, люди же не оставляютъ послѣ себя кромѣ навоза никакой памяти. Да здравствуютъ же сибирскіе мамонты!!."

Рѣчь эта была покрыта шумными аплодисментами.

Добродушный Сибирякъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДЕЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Возраженія, сдѣланнія Парнеллемъ Форстеру, не считаются настолько вѣскими, чтобы онъ могли разсѣять подозрѣнія относительно земельной лиги, зароненныя въ обществѣ показаніями Джемса Кэри. Напротивъ, толки о сношеніяхъ земельной лиги съ "партию непримиримыхъ" продолжаются. Личность, извѣстная въ процессѣ подъ именемъ "Нумеръ Первый", дѣятельно разыскивается, а подозрѣнія падаютъ какъ на феніевъ, такъ и на пѣкоторыхъ изъ членовъ лиги, между прочимъ, на феніанскаго генерала Миллена и на О'Доннэля. Говорятъ также о сношеніяхъ лиги съ Шериданомъ, который въ Парижѣ часто посѣщалъ Патрика Эгана, казначея поземельной лиги въ Парижѣ. Кроме того, въ кассѣ послѣдней оказывается недочетъ въ 100,000 фунтовъ стерлинговъ,—и это обстоятельство связываютъ съ расходами партии убийцъ или непримиримыхъ на свои послѣднія предпріятія. Джемсъ Кэри выпущенъ на свободу. Ненависть къ нему ирландцевъ безпримѣрна. Его отель охраняется полиціей, безъ чего, какъ полагаютъ, ему пришлось бы отвѣтить, за свои разоблаченія, жизнью. Аресты въ Лондонѣ и Дублинѣ продолжаются. О'Доннэль въ защиту лиги заявилъ въ парламентѣ, что сношенія ея съ феніями заключаются только въ томъ, что Парнелль привлекъ сотни тысячъ феніевъ на путь законной агитации. Ирландская газета "Irish World", издающаяся въ Нью-Йоркѣ, взываетъ о новой организаціи для борьбы съ правительствомъ; газета предлагаетъ бить Англію по карману, зажечь со всѣхъ сторонъ Лондонъ, Манчестеръ, Ливерпуль, Бристоль и Гласго.—Занятія лондонской конференціи по дунайскому вопросу приходятся къ концу, а между тѣмъ свѣдѣнія о засѣданіяхъ были весьма скучны. Судя по телеграммамъ изъ Лондона, Россія явилась на конференцію съ твердымъ намѣреніемъ отстоять свои права на Килійское устье и Очаковскій притокъ, какъ на исключительную свою собственность. Конференція предоставила Россіи право на расчистку Килійского устья и на приведеніе его въ судоходное состояніе, но съ тѣмъ, однакожъ, условиемъ, чтобы право колективнаго контроля, установленнаго на парижскомъ конгрессѣ для Дуная и всѣхъ его притоковъ, оставалось попрежнему за европейскими кабинетами.

— Положеніе дѣлъ въ Египтѣ далеко не блестящее. Англійскія реформы пока существуютъ лишь на бумагѣ, финансы еще не приведены въ порядокъ, а содержаніе англійскихъ войскъ требуетъ экстренныхъ расходовъ, обременительныхъ для разореннаго государства. Въ добавокъ, ненависть народа къ англичанамъ не слабѣетъ. Она выдается каждымъ удобнымъ случаемъ. Недавно на банкетѣ, данномъ префектомъ города Каира въ честь англійскихъ властей, египетскій полковникъ Пакри-бей провозгласилъ тостъ за освобожденіе страны отъ иностранцевъ. Полковникъ долженъ былъ тотчасъ же удалиться, но за то толпы народа на улицахъ встрѣтили и провожали полковника шумными овациями. Кроме того, послѣднія извѣстія изъ Верхнаго Египта неблагопріятны. Оказывается, что египетскія войска, посланныя въ Кордофанъ

противъ Магди, разбиты послѣднимъ. Успѣхи фанатика грозятъ возстаніемъ всего Верхнаго Египта. Англичанамъ, по всей вѣроятности, придется предпринять экспедицію въ Суданъ.

— Политика короля Милана въ Сербіи вызываетъ безпрерывные протесты народной партіи, остающіеся однако гласомъ вошіющаго въ пустынѣ. Торговыми договорами съ Австро-Венгриею, Германіею и Франціею сербскіе рынки отданы во власть этихъ государствъ при невыгодныхъ для сербскаго народа условіяхъ; проектомъ "Сербскаго национальнаго банка" двѣ трети акцій будутъ предоставлены вѣнскимъ капиталистамъ; министерство добилось существенныхъ измѣненій въ законѣ о печати и о телеграфахъ. Новымъ положеніемъ министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право задерживать депеши и органы печати по его усмотрѣнію. Кроме того, по слухамъ, правительство намѣreno добиться отъ скупщины особыхъ полномочій королю Милану, чѣмъ и будетъ нанесенъ глубокій ударъ конституції. Все это вызываетъ глухой антагонизмъ между народомъ и правительствомъ, и сербы съ особымъ интересомъ смотрятъ на посыпаніе черногорскаго князя Николая княземъ Карагеоргіевичемъ. Въ добавленіе ко всему, налоги и косвенные подати увеличиваются и ставятъ народъ въ безвыходное положеніе. Особенно ропотъ возникъ при обложеніи податью рогатаго скота.

— Жюль Ферри, президентъ совѣта французскихъ министровъ, намѣренъ принимать самое энергическое участіе въ дѣятельности правительства. Всѣ болѣе важные декреты о назначеніяхъ, раньше подписи Грэви, будутъ представляться ему; онъ будетъ также получать сообщенія о всѣхъ дипломатическихъ депешахъ. Въ "Офиціальной Газетѣ" обнародованъ рапортъ военного министра, представленный для подписи президенту Грэви обѣ оставленіи за штатомъ дивизіоннаго генерала Людовика Орлеанскаго, герцога Омальскаго; полковника Роберта Орлеанскаго, герцога Шартрскаго и капитана герцога Алансонскаго. Въ сенатѣ былъ сдѣланъ правительству запросъ относительно увольненія орлеанскихъ принцевъ, но послѣ небольшихъ преній большинствомъ 154 голосъ противъ 100 было постановлено перейти къ очереднымъ дѣламъ. По слухамъ, у президента республики Грэви ходатайствуютъ многіе англійскіе ученые и члены парламента о помилованіи князя Крапоткина, мотивируя свое ходатайство значеніемъ осужденнаго для науки. Въ Парижѣ арестовано лицо, подозрѣваемое въ убийствѣ лорда Кэвендиша,—это Байрнъ, показавшій на допросѣ, что онъ секретарь не ирландской, а англійской земельной лиги и съ убийствомъ въ Фениксъ-паркѣ не имѣеть ничего общаго. Отрицаютъ свое участіе въ убийствѣ и другое лицо, арестованное въ Гаврѣ по тому-же подозрѣнію. Если показанія ихъ подтвердятся, то оба арестованные будутъ выпущены на свободу вопреки настояніямъ Англіи передать подозрѣваемыхъ въ руки ея правосудія.

— Въ Бельгіи, близъ Брюсселя, произошелъ динамитный взрывъ, вслѣдствіе чего арестованы Сира и Метейз, судившіеся уже за участіе въ Монсо-ле-минскихъ безпорядкахъ; при этомъ полиціи удалось захватить важные документы и на本事ь на слѣдѣ обширнаго анархистскаго, международнаго заговора.

— Въ Римѣ, въ ночь на 15 февраля, взорвано три бомбы: одна близъ помѣщенія австрійскаго посольства при Ватиканѣ; другая при входѣ въ сѣни австрійскаго посольства при римскомъ дворѣ, а третья у квиринального дворца. Взрывами никто не раненъ. Аресты производятся.

СОБЫТИЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— 14-го февраля герцогъ и герцогиня Эдинбургскіе съ старшимъ сыномъ Альфредомъ отбыли изъ Петербурга обратно за границу.

— 16-го февраля, у ministra Императорскаго двора графа Воронцова-Дашкова былъ балъ, на которомъ присутствовалъ весь аристократический Петербургъ. По великолѣпію обста-

повки, обилію цвѣтовъ и роскоши нарядовъ, этотъ балъ занялъ первое мѣсто въ ряду бывшихъ до сихъ поръ великосвѣтскихъ баловъ Петербурга.

— 17-го февраля, Его Величество Государь Императоръ изволилъ осчастливить Своимъ посѣщеніемъ николаевскій кадетскій корпусъ,

— «Новости» сообщаютъ, что въ военномъ министерствѣ уже сдѣланы предположенія объ отправкѣ въ Москву войскъ гвардіи изъ с.-петербургскаго и варшавскаго военныхъ окружовъ для присутствованія при предстоящей коронаціи. Для найма помѣщеній подъ штабы войскъ, для генераловъ и офицеровъ, а также для приглашенныхъ представителей военно-народнаго управления нашихъ средне-азіатскихъ владѣній исчислена сумма въ 100,000 р. На передвиженіе же войскъ, которыхъ будетъ сосредоточено въ Москвѣ до 50,000 человѣкъ, выдачу суточныхъ денегъ всѣмъ военнымъ чинамъ и другіе расходы военнаго вѣдомства исчислено всего отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ миллионовъ рублей.

— Московскія газеты сообщаютъ, что, по случаю коронаціи, въ нынѣшнемъ году лекціи въ мѣстномъ университѣтѣ прекратятся 12-го марта, а съ этого времени и до 5-го мая будутъ происходить экзамены, причемъ студентамъ медицинскаго факультета разрѣшено перенести часть экзаменовъ на осень.

— Государь Императоръ, по всеподданійшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, 4-го сего февраля, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Для пересмотра всѣхъ дѣйствующихъ о евреяхъ въ Имперіи законовъ и для составленія предположеній о необходимыхъ въ нихъ измѣненіяхъ—образовать особую высшую комиссию.

2. Коммисію эту составить подъ предсѣдательствомъ члена Государственного Совѣта, статьѣ-секретаря, дѣйствительнаго тайного советника Макова, изъ членовъ отъ различныхъ вѣдомствъ, назначаемыхъ по соглашенію предсѣдателя съ подлежащими министрами и главноуправляющими отдѣльными частями.

3. Предоставить предсѣдателю комисіи приглашать въ ону, для обсужденія отдѣльныхъ вопросовъ—лицъ, специально знакомыхъ съ дѣломъ.

4. Труды комисіи, по изготавленіи ихъ, безотлагательно внести на разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ его по опыту заключеніемъ.

— Приказомъ по военному вѣдомству обнародовано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственного Совѣта по проекту положенія о службѣ казаковъ въ своихъ войскъ, о выходѣ изъ войскового сословія и о зачисленіи въ оно. Согласно положенію этому, казачьи офицеры и чиновники освобождаются отъ обязательной службы, лицамъ казачьаго сословія дозволяется исключаться изъ оного, перечисляться въ другія войска и служить въ своихъ войскъ, а лицамъ невойскового сословія зачисляться въ казачьи войска.

— Министру финансовъ предоставлено право разрѣшать, где будетъ признано полезнымъ, переводъ частныхъ денежныхъ суммъ изъ одного города въ другой чрезъ мѣстныя казначейства, причемъ постановлено взимать въ пользу казны сборъ по $\frac{1}{4}\%$ съ переводныхъ суммъ.

— Начальникъ алтайскихъ заводовъ, горный инженеръ дѣйств. стат. совѣтникъ Смирновъ Всемилостивѣйше уволенъ по болѣзни отъ службы, съ мундиромъ, согласно прошенію, а начальникъ гороблагодатскаго округа горный инженеръ коллежскій совѣтникъ Журинъ, назначенъ начальникомъ алтайскаго округа.

— Газета «Эхо» слышала, что на этихъ дниахъ въ Государственномъ Совѣтѣ состоится разсмотрѣніе законопроекта о раскольникахъ. Послѣднимъ, какъ слышно, проектируются иѣкотрыя облегченія, хотя выработанный въ этомъ направлениіи и обнимавшій вопросъ значительно шире первоначальнаго законопроекта и подвергся новой редакціи до внесенія его въ Государственный Совѣтъ.

— Газеты сообщаютъ о пожертвованіи потомственнымъ

почетнымъ гражданиномъ Сибиряковымъ 10,000 р. Императорской академіи наукъ, съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ этой суммы, черезъ каждые три года, выдавалась премія имени жертвователя за лучшее историческое оригинальное сочиненіе о Сибири, и чтобы по открытіи сибирскаго университета были ему переданы, какъ этотъ капиталъ, такъ и право присужденія и выдачи этихъ премій.

— Согласно ходатайству г. президента Императорской академіи наукъ, 24-го декабря минувшаго года, по докладу г. министра финансовъ, послѣдовало Всемилостивѣйшее соизволеніе на отпускъ изъ государственного казначейства въ распоряженіе академіи наукъ тысячи рублей для выдачи преміи за лучшее сочиненіе о Жуковскомъ.

— Въ газету «Мегу» пишутъ изъ г. Новой-Нахичевани, что проживающій въ Ставрополѣ богачъ Поповъ просилъ составить для него проектъ учебнаго заведенія, которое онъ думаетъ открыть для дѣтей нахичеванскихъ армянъ. Г. Поповъ пожертвовалъ для этой цѣли 300 тысячъ рублей.

— Въ концѣ прошлаго года въ правительствующемъ сенатѣ былъ возбужденъ, въ законодательномъ порядкѣ, вопросъ о томъ: обязаны ли судебныя мѣста въ оѣзжихъ губерніяхъ принимать прошенія отъ жителей этихъ губерній на русскомъ языке. Правительствующій сенатъ разрѣшилъ этотъ вопросъ въ смыслѣ утвердительномъ, т.-е. обязаны, но Государственный Совѣтъ, какъ намъ передаютъ нынѣ, посмотрѣль на этотъ вопросъ гораздо шире почему нынѣ признано возможнымъ издать слѣдующія правила: 1) судебныя и другія присутственныя мѣста губерній оѣзжихъ, не исключая и тѣхъ, которые производятъ дѣла на нѣмецкомъ языке, обязаны принимать прошенія и другія бумаги, писанныя на русскомъ языке или на одномъ изъ мѣстныхъ нарѣчій—эстонскомъ и латышкомъ, и 2) прошеніямъ и инымъ бумагамъ, составленнымъ на оѣзжихъ языкахъ или нарѣчіяхъ, дѣлается, въ случаѣ надобности, по распоряженію присутственныхъ мѣсть, точный переводъ на нѣмецкий языкъ, для дальнѣйшаго производства.

— Финляндскій сенатъ, по словамъ мѣстной официальной газеты, организовалъ особую комисію для составленія предположенія по вопросу объ учрежденіи въ Финляндіи, съ гарантіею правительства и подъ его вѣдѣніемъ, общей почтовой сберегательной кассы. Такимъ образомъ, вполнѣ привившееся за границею и уже принесшее свои плоды полезное учрежденіе, вѣроятно, въ непродолжительномъ времени будетъ осуществлено и въ Финляндіи.

— Правительство Соединенныхъ Штатовъ обратилось къ нашему министерству иностраннѣй дѣлъ съ извѣщеніемъ о томъ, что оно намѣревается созвать въ Вашингтонѣ конгрессъ для совѣщанія объ общемъ меридианѣ, причемъ выразило желаніе, чтобы въ этомъ международномъ конгрессѣ приняла участіе и Россія. Извѣщеніе это было сообщено военному министерству, которое отнеслось къ нему съ полнымъ сочувствіемъ.

— Въ послѣднемъ засѣданіи географического общества было сдѣлано два сообщенія: одно Ф. В. Шмидта по поводу описанія экспедиціи барона Норденшельда, въ которомъ докладчикъ указалъ на невѣрную передачу фактъ, относящихся до значенія трудовъ русскихъ полярныхъ изслѣдователей, Брангеля, Анжу и Андреева. Другое сообщеніе было Н. П. Андреева о результатахъ произведенныхъ имъ метеорологическихъ наблюденій у Мурманскаго берега во время его плаваній на военныхъ крейсерахъ «Полярная Звѣзда» и «Баканъ».

— 18-го февраля, предсѣдателю Императорскаго географическаго общества доставлены по телеграфу изъ Иркутска первыя свѣдѣнія о положеніи нашей экспедиціи у устья р. Лены, снаряженной въ прошломъ году подъ начальствомъ штурманскаго офицера г. Юргенса. Начальникъ экспедиціи уведомилъ якутскаго губернатора, отъ 17-го ноября, со станціи Сагатыры, что 11-го августа экспедиція стала устраиваться на мѣстѣ, а 19-го августа домъ былъ при-

способенъ для метеорологическихъ наблюдений. Магнитные наблюдения были начаты 17-го октября, такъ поздно—вследствіе порчи магнитовъ въ уроціщѣ Тась-Ары. Три дня спустя станція была окончательно устроена и начаты правильныя наблюдения по инструкції.

— Государственный Совѣтъ, согласно представлению министровъ народного просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и утвержденію комитета министровъ, рѣшилъ, какъ сообщаютъ „Киевлянину“ изъ Петербурга, предоставить преподавателямъ земскихъ школъ тѣ же права государственной службы, какими въ настоящее время пользуются земскіе врачи и нѣкоторыя другія служащи въ земствѣ лица.

— Упраздненіемъ аральской флотиліи, утратившей свое первоначальное военно-морское значеніе съ движеніемъ впередъ нашей средне-азіатской границы, моряки, находившіеся въ Казалинскѣ, возвратятся въ Кронштадтъ, а суда, находящіеся тамъ, будутъ, какъ предполагаетъ «Кронштадтскій Вѣстникъ», переданы частной компаніи, которая возьмется за передвиженіе грузовъ и пассажиродѣ по р. Сырь-Дарьѣ.

— По порученію департамента земледѣлія и сельской промышленности академикъ Миддендорфъ предпринимаетъ весною вышеннаго года обстоятельное изслѣдованіе состоянія нашего скотоводства, его нуждъ и потребностей.

— Въ „Сибирской Газетѣ“ напечатана слѣдующая телеграмма: «Зайсанскій постъ, 17-го января. Кабинскій отрядъ Высочайше утвержденъ заграничнымъ. Производятся дѣятельные приготовленія китайцевъ къ снятію его силою. Мѣръ къ усиленію отряда не принимается; сообщеніе съ Зайсаномъ плохое, весна грозитъ разлитіемъ рѣкъ, отрядъ малъ, не имѣтъ артиллеріи, изолированъ, положеніе его въ тактическомъ отношеніи крайне неудовлетворительное. Киргизы теряютъ вѣру въ силу отряда, падаютъ духомъ и начинаютъ склоняться на сторону Китая. Положеніе отряда, предоставленного самому себѣ, опасно; его роль, какъ защитника киргизовъ, незавидная».

— Изъ Сергиополя телеграфируютъ, что бахтинскій купецъ Масловъ берется доставить китайцамъ 50,000 пудовъ хлѣба. Цѣна на хлѣбъ у насъ сильно возвышается. Нашимъ киргизамъ угрожаетъ голодное бѣдствіе.

— „Сѣв. Тел. Агентство“ передаетъ изъ Ирбити, что на ярмаркѣ носится слухъ о крупной несостоятельности одного нерчинского золотопромышленника, который дѣль на ярмаркѣ не имѣлъ; несостоятельность, будто бы, простирается до 6,000,000 руб.

— То-же агентство сообщаетъ изъ Верхнеудинска отъ 15-го февраля: бывшая здѣсь ярмарка, сравнительно съ прежними, прошла вяло. Подвозъ товаровъ менѣе прошлогодняго; покупали большую частью въ кредитъ. Учетъ векселей въ банкахъ былъ затруднителенъ; причину относить къ разстроеннымъ дѣламъ торгового дома братьевъ Бутиныхъ, надъ которыми учреждена администрація.

— Въ распоряженіе управлія Императорскаго исторического музея въ Москвѣ, на пополненіе его памятниками древности, по словамъ „Нов. Времени“, назначено еще 20,000 р. изъ государственного казначейства, въ дополненіе къ такой же суммѣ, уже израсходованной на тотъ же предметъ.

— По свѣдѣніямъ «Медиц. Вѣстника», въ самое послѣднее время одна изъ женщинъ-врачей, г-жа Ананьевъ, определена, съ согласія вышшаго духовнаго начальства, въ Новодѣвичій монастырь, какъ врачъ для монахинь.

— Изъ напечатанныхъ въ «Правительственномъ Вѣстнике» свѣдѣній и распоряженій по дѣламъ печати видно, что разрешено изданіе слѣдующихъ новыхъ повременныхъ издаваній: въ Петербургѣ—ветеринар А. Алексѣеву, съ дозвolenія предварительной цензуры, двухъ-недѣльный журналъ „Ветеринарное Дѣло“; въ Москвѣ—С. Шарапову еженедѣльная, подцензурная газета „Деревня“; въ г. Бахчисараѣ—Исмаилу-бей Гасириевскому подцензурная еженедѣльная газета на русскомъ и татарскомъ языкахъ «Переводчикъ» (Терджиманъ). Кромѣ

того, произошли слѣдующія перемѣны въ существующихъ времененныхъ изданіяхъ: а) окончательно прекратились „Отголоски“ и газета «Антрактъ»; б) «Городскія и иногороднныя афиши» перешли къ г. Вольфу; в) утверждены: вторымъ редакторомъ г. Якубовскій—въ „Курскомъ Листкѣ“ и г. Кальпингъ—въ латышской газетѣ „Bals“.

— Издатель еврейской газеты „Разсѣтъ“ прислалъ въ „Нов. Вр.“ заявление о временной простоянкѣ выхода изданія.

— 19 февраля, въ 2 часа дня, скончался извѣстный всей Россіи, по своей обширной дѣятельности, книгородавецъ-издатель Маврикій Осиповичъ Вольфъ, болѣе сорока лѣтъ неутомимо занимавшійся книжнымъ дѣломъ.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ.

Въ № 1 нашей газеты былъ напечатанъ отвѣтъ пароходчика Корнилова на упреки, сдѣянные полковникомъ Моисѣевымъ сибирскимъ пароходовладѣльцамъ. Мы должны были дать мѣсто этому письму въ виду обвиненій г. Моисѣева пароходо владѣльцевъ. Заявленіе г. Корнилова, напечатанное у насъ, было представлено и въ министерство финансовъ, по показанію самого г. Моисѣева. Стало быть все, что напечатано у насъ, заявлено даже официально.

Г. Моисѣевъ, признавая показанія г. Корнилова невѣрными, требуетъ напечатанія въ газетѣ нашей его возраженія г. Корнилову. Въ письмѣ своемъ онъ упоминаетъ, что въ 1882 г. имъ подано опроверженіе на эту записку въ «департаментъ мануфактуръ и торговли». Въ доставленномъ объясненіи полковника мы видимъ только голословное отрицаніе того, что говоритъ г. Корниловъ. Все оно сводится къ одному: г. Корниловъ говоритъ неправду.

Не имѣя возможности давать мѣсто безконечной полемикѣ на страницахъ нашей газеты по поводу этой темной экспедиціи, мы можемъ напечатать только въ томъ случаѣ возраженіе полковника Моисѣева, если онъ потрудится доставить въ редакцію доказательства изъ министерства финансовъ, что министерство признало его экспедицію удачной и удовлетворительно выполненной; во-вторыхъ, изъ департамента мануфактуръ удостовѣреніе, что показаніямъ г. Корнилова не придано никакой вѣры, а донесенія его, г. Моисѣева, заслуживаютъ довѣрія.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1883 годъ

на еженедѣльную газету

„СИБИРЬ“

Газета будетъ издаваться по прежней программѣ и выходить въ тѣ же сроки.

Подписка принимается въ Иркутскѣ, въ типографіи Н. Н. Синицына. Иногородные же обращаются непосредственно въ контору редакціи газеты „Сибирь“.

Цѣна съ доставкой и пересылкой за годъ 7 руб., за полгода 4 руб., за три мѣсяца 2 руб. 25 коп., за два мѣсяца 1 руб. 50 коп., за одинъ мѣсяцъ 75 коп., отдѣльные номера по 20 коп.